

СТИВЕН

КИНГ

ТЕМНАЯ
ПОЛОВИНА

Король на все времена

Стивен Кинг

Темная половина

«АСТ»

1989

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Темная половина / С. Кинг — «АСТ», 1989 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-982995-9

Известный писатель Тэд Бомонт выпустил несколько книг под псевдонимом Джордж Старк. А затем — «похоронил» свой псевдоним: на местном кладбище даже появилась могила Старка. Но случилось так, что Старк воскрес, и жизнь Тэда Бомонта превратилась в нескончаемый кошмар...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-982995-9

© Кинг С., 1989
© АСТ, 1989

Содержание

Примечание автора	6
Пролог	7
Часть первая	13
Глава 1	14
1	14
2	17
Глава 2	25
1	25
2	25
3	28
Глава 3	30
1	30
2	33
Глава 4	36
1	36
2	37
3	39
Глава 5	43
Глава 6	47
Глава 7	52
1	52
2	52
3	54
4	56
5	57
Глава 8	62
1	62
2	62
3	64
4	66
5	68
Глава 9	72
1	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Стивен Кинг

Темная половина

Роман

*Эта книга посвящается
Шерли Зондерегер,
которая помогает мне
заниматься моим делом,
а также ее мужу Питеру.*

* * *

Stephen King
The Dark Half

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Stephen King, 1989

© Перевод. Т. Покидаева, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Примечание автора

Я очень признателен покойному Ричарду Бахману за помощь и вдохновение. Без него я бы не написал этот роман.

С. К.

Пролог

*– Режь его, – сказал Машина. – Режь, а я посмотрю. Хочу увидеть, как льется кровь. Не заставляй меня повторять дважды.
Джордж Старк. Путь Машины*

Жизнь человека – его настоящая жизнь, а не просто физическое существование – начинается в разное время. Настоящая жизнь Тэда Бомонта, мальчишки, который родился и вырос в Риджуэйской части Бергенфилда, штат Нью-Джерси, началась в 1960-м. В том году с Тэдом произошли два события. Первое определило всю его жизнь; второе едва ее не оборвало. Тогда Тэду Бомонту было одиннадцать лет.

В январе он написал короткий рассказ и отправил его на конкурс начинающих писателей, организованный при поддержке журнала «Американский тинейджер». В июне пришло письмо от редакции журнала. В нем говорилось, что за участие в конкурсе Тэд получает поощрительную грамоту в номинации «Художественная проза». Также там было сказано, что жюри присудило бы ему полноценное второе место, если бы в сопроводительной записке к рассказу он не указал свой возраст – до настоящего «американского тинейджера» ему не хватало еще двух лет. Тем не менее, писали редакторы, его рассказ «У дома Марти» оказался на удивление зрелой работой, с чем его и поздравляли.

Сама грамота пришла через две недели. Ее прислали заказным письмом. Имя Тэда было вписано в грамоту столь витиеватыми готическими буквами, что он едва смог их разобрать. Внизу стояла золотая тисненая печать с логотипом «Американского тинейджера»: силуэты двух танцующих подростков – мальчика с короткой стрижкой и девочки с длинным хвостом.

Мама крепко обняла Тэда – тихого, серьезного мальчика, который всегда был чуть-чуть не от мира сего и часто путался в собственных ногах, – и осыпала его поцелуями.

Отец совершенно не впечатлился.

– Если он так хорош, чего ж ему не дали денег? – пробурчал он из глубины своего мягкого кресла.

– Глен...

– Ладно, проехали. Может, наш Эрнест Хемингуэй сгоняет отцу за пивом, когда ты прекратишь его тискать?

Мать ничего не сказала... но сходила в багетную мастерскую, заказала рамки для письма и для грамоты, заплатив за них из своих денег «на булавки», повесила их над кроватью в комнате Тэда и показывала всем и каждому, кто приходил к ним в гости. Тэд когда-нибудь станет великим писателем, говорила она. Она всегда знала, что Тэд рожден для великих дел, и вот оно – первое доказательство. Тэда все это смущало, но он очень любил свою маму и поэтому ничего ей не говорил.

Но смущение смущением, а в одном мама все-таки была права. Тэд не знал, сможет ли он стать великим писателем, но каким-то писателем он обязательно станет. Кровь из носу, но станет. Почему бы и нет? У него хорошо получается. И самое главное, ему это нравится. Когда приходят нужные слова, это действительно кайф. И они не смогут вечно отказывать ему в деньгах. Ему же не всегда будет одиннадцать.

Второе важное событие, произошедшее с ним в 1960-м, началось в августе. Именно в августе его стали мучить головные боли. Сперва они были не слишком сильными, но к началу учебного года слабое, ноющее ощущение в висках и в середине лба превратилось в чудовищные марафоны агонии, во время которых Тэд мог только лежать в комнате с зашторенными окнами и ждать смерти. К концу сентября он уже думал о том, что *хочет* умереть. А к середине октября боль дошла до той точки, когда ты всерьез начинаешь бояться, что не умрешь.

Приступы этой кошмарной головной боли обычно сопровождались фантомными звуками, которые слышал лишь он один. Звуки напоминали отдаленное чириканье тысячи маленьких птичек. Иногда ему казалось, что он почти видит их, этих птиц – скорее всего воробьев, – целую стаю, рассеянную на телефонных проводах и крышах, как это бывает весной и осенью.

Мать повела его к доктору Стюарту.

Доктор Стюарт внимательно изучил его глаза через офтальмоскоп и покачал головой. Потом плотнее задернул шторы, выключил верхний свет и велел Тэду зафиксировать взгляд на белом участке стены. Пока мальчик смотрел, доктор светил на стену карманным фонариком, быстро щелкая кнопкой, так что яркий круг света то вспыхивал, то гас.

– Есть какие-нибудь неприятные ощущения, сынок?

Тэд покачал головой.

– Не чувствуешь слабости? Как будто сейчас потеряешь сознание?

Тэд опять покачал головой.

– Не чувствуешь никаких запахов? Как от гнилых фруктов или жженого тряпья?

– Нет.

– А как насчет твоих птиц? Ты их не слышал, когда смотрел на мигающий свет?

– Нет, – ответил обескураженный Тэд.

– Это все нервы, – сказал отец, когда Тэда выдворили из кабинета в приемную. – Этот ребенок, черт побери, просто живой комок нервов.

– Думаю, это мигрень, – вмешался доктор Стюарт. – В таком возрасте случай достаточно редкий, но не сказать, чтобы совсем небывалый. И мальчик, похоже, весьма... впечатлительный.

– Да, он такой, – подтвердила Шейла Бомонт не без некоторого одобрения.

– Возможно, со временем мы назначим ему курс лечения. А пока что, боюсь, ему надо просто перетерпеть.

– Да, и нам вместе с ним, – сказал Глен Бомонт.

Но это были не нервы, это была не мигрень, и это был далеко не конец.

За четыре дня до Хэллоуина Шейла Бомонт услышала, как один из ребят, вместе с которыми Тэд по утрам дожидался школьного автобуса, завопил во весь голос. Она выглянула в окно кухни и увидела сына, бьющегося в конвульсиях на земле. Рядом лежала коробка для завтраков, из которой вывалились сэндвичи и фрукты. Шейла выбежала из дома, разогнала испуганных детишек и беспомощно застыла над сыном, боясь к нему прикоснуться.

Если бы большой желтый автобус с мистером Ридом за рулем подъехал чуть позже, Тэд мог бы умереть прямо там, на подъездной дорожке к собственному дому. Но мистер Рид служил в Корее медбратом. Ему удалось откинуть голову мальчика назад и освободить дыхательные пути, прежде чем Тэд задохнулся, подавившись собственным языком. На «Скорой» его отвезли в Бергенфилдскую окружную больницу, где по счастливой случайности в тот день дежурил доктор Хью Притчард, который сидел в приемном отделении, пил кофе и болтал с приятелем, хвастаясь своими мифическими достижениями в гольфе. А доктор Хью Притчард был лучшим неврологом во всем Нью-Джерси.

Он сразу отправил мальчика на рентген и тщательно изучил снимок. Показал его Бомонтам, обратив особое внимание на расплывчатое затемнение, которое обвел желтым восковым карандашом.

– Вот, – сказал он. – Это что?

– А мы, можно подумать, знаем, – проворчал Глен Бомонт. – Это вы у нас доктор, черт возьми.

– Верно, – сухо отозвался Притчард.

– Жена говорит, у него вроде как был припадок, – добавил Глен.

– Если, – начал доктор Притчард, – вы имеете в виду судорожный припадок, то да. Если же *эпилептический* припадок, то я уверен, что нет. Такой серьезный припадок, как у вашего сына, означал бы, вне всяких сомнений, крайне тяжелый случай эпилепсии, а Тэд не проявил никакой реакции на световой тест Литтона. На самом деле, если бы Тэд страдал эпилепсией в тяжелой форме, вы бы знали об этом и без врачей. Он бы бился в конвульсиях всякий раз, когда в телевизоре подрагивает картинка.

– Тогда что это? – робко спросила Шейла.

Притчард повернулся обратно к снимку на негатоскопе.

– Что *это*? – проговорил он с нажимом и вновь постучал пальцем по области, обведенной желтым кружком. – Внезапные приступы головных болей вкупе с ранее не наблюдавшимися судорожными припадками дают основание предположить, что у вашего сына опухоль мозга. Вероятно, еще небольшая и, будем надеяться, доброкачественная.

Глен Бомонт уставился на врача с каменным лицом, а его жена заплакала в носовой платок. Она плакала без единого звука. За годы супружества она в совершенстве овладела искусством беззвучного плача. Кулаки Глена били стремительно, очень больно и почти никогда не оставляли следов, так что после двенадцати лет молчаливых страданий она, наверное, и не смогла бы разрыдаться в голос, даже если бы захотела.

– Так вы, значит, будете резать ему мозги? – спросил Глен с присущими ему тактом и деликатностью.

– Я бы не стал называть это так, мистер Бомонт, но да, я считаю, что в данном случае требуется диагностическая операция, – ответил Притчард и подумал: *Если Бог все-таки существует, и если Он в самом деле создал нас по Своему образу и подобию, то мне даже не хочется думать о том, почему, черт возьми, в мире так много уродов вроде вот этого Бомонта и почему от этих уродов зависят судьбы стольких людей.*

Глен молчал несколько секунд, глядя в пол и задумчиво хмурясь. Наконец он поднял голову и задал вопрос, который беспокоил его больше всего:

– Скажите, док, только честно... во сколько оно обойдется?

Медсестра увидела это первой.

Ее пронзительный вопль разорвал тишину операционной, где последние пятнадцать минут звучали лишь тихие распоряжения доктора Притчарда, глухое шипение аппаратуры жизнеобеспечения и, время от времени, резкий визг хирургической пилы.

Медсестра отшатнулась, налетела на каталку, где были аккуратно разложены все инструменты, и перевернула ее. Каталка рухнула на кафельный пол с гулким грохотом, за которым последовал звон падающих инструментов.

– Хилари! – крикнула старшая сестра. Она так возмутилась, что, забыв обо всем, сделала шаг в сторону убегавшей медсестры в развевавшемся зеленом халате.

Доктор Альбертсон, ассистировавший на операции, легонько пнул старшую сестру по ноге.

– Не забывайте, пожалуйста, где вы находитесь.

– Да, доктор. – Она опять повернулась к столу и даже не взглянула на дверь операционной, когда та с грохотом распахнулась и Хилари вылетела в коридор, продолжая вопить, словно пожарная сирена.

– Инструменты – в стерилизатор, – сказал доктор Альбертсон. – Быстро.

– Да, доктор.

Она принялась собирать инструменты, тяжело дыша, явно в смятении, но держа себя в руках.

Доктор Притчард, похоже, вообще ничего не заметил. Он сосредоточенно всматривался в окошко, вырезанное в черепе Тэда Бомонта.

– Невероятно, – пробормотал он. – Просто невероятно. О таком только в книгах писать. Если бы я не видел своими глазами...

Шипение стерилизатора вернуло его к действительности. Он как будто очнулся и повернулся к доктору Альбертсону.

– Надо откачать кровь, – резко проговорил он и взглянул на сестру. – Ну и что вы там застряли? Кроссворд, что ли, решаете? Давайте сюда инструменты!

Она подошла, неся инструменты в новой кювете.

– Начинайте откачивать, Лестер, – приказал Притчард Альбертсону. – Прямо сейчас. А потом я покажу вам такое, чего вы нигде не увидите. Разве только на ярмарочном шоу уродов.

Альбертсон подкатил к столу откачивающий насос, едва не задев старшую сестру, которая отскочила назад, но инструменты все-таки удержала.

Притчард повернулся к анестезиологу:

– Следим за давлением, дружище. Ваша задача – держать давление.

– У него сто пять на шестьдесят восемь, доктор. Как у космонавта.

– Хорошо. Его мать говорит, что у нас тут лежит второй Уильям Шекспир, так что держите давление, как сейчас. Приступайте, Лестер... только нормально качайте. Не надо его щекотать этой штукой!

Альбертсон включил насос и принялся откачивать кровь под успокаивающий ровный гул контрольной аппаратуры. А потом ему вдруг стало нечем дышать. Как будто кто-то ударил его под дых.

– О Господи. Господи Боже. Иисус милосердный. – Он на мгновение отшатнулся... а потом наклонился поближе. Над хирургической маской его глаза за толстыми стеклами очков широко раскрылись и вспыхнули любопытством. – Что это?

– Думаю, вы сами видите, что это, – сказал Притчард. – Просто к этому надо привыкнуть. Я о таком только читал. И даже не думал, что когда-нибудь увижу своими глазами.

По цвету мозг Тэда Бомонта напоминал внешнюю кромку раковины рапана: серый с едва различимым розовым оттенком.

Из гладкой поверхности твердой мозговой оболочки торчал слепой, недоразвитый человеческий глаз. Мозг слабо пульсировал. Глаз пульсировал вместе с ним. Словно пытался им всем подмигнуть. Именно это – как бы подмигивающий глаз – и напугало операционную сестру.

– Господи Боже, что это? – повторил Альбертсон.

– Уже ничего, – ответил Притчард. – Когда-то оно, вероятно, было живым человеческим существом. А теперь это ничто. Разве что некоторое затруднение. Но с этой трудностью мы сможем справиться.

Доктор Лоринг, анестезиолог, спросил:

– Можно взглянуть, доктор Притчард?

– Давление в норме?

– Да.

– Смотрите. Будет о чем рассказать внукам. Но только быстро.

Пока Лоринг смотрел, Притчард повернулся к Альбертсону.

– Мне понадобится пила, – сказа он. – Надо немного расширить отверстие. А потом прозондируем. Не знаю, смогу ли я вычистить все, что там есть, но что смогу, я вычищу.

Лестер Альбертсон, который теперь замещал старшую операционную сестру, подал Притчарду свежестерилизованный зонд, когда тот потребовал инструмент. Мурлыкая себе под нос песню из сериала «Бонанца», Притчард обрабатывал рану быстро, почти играючи, лишь изредка бросая взгляд в зеркальце на конце зонда. Он действовал в основном на ощупь.

Позже Альбертсон говорил, что никогда в жизни не видел столь потрясающего проявления хирургического наития.

Вдобавок к глазу они нашли часть ноздри, три ногтя и два зуба. В одном из зубов была маленькая кариозная полость. Глаз продолжал пульсировать и пытаться подмигивать вплоть до той самой секунды, когда Притчард сперва проколол его тонким скальпелем, а потом удалил. Вся операция, от предварительного зондирования до окончательного удаления, заняла всего-навсего двадцать семь минут. Пять комков плоти с влажным хлюпаньем упали в стальную кювету, стоявшую на столике рядом с выбритой головой Тэда.

– Думаю, там уже чисто, – наконец объявил Притчард. – Похоже, вся чужеродная ткань соединялась рудиментарным нервным узлом. Если там и остались другие куски, мы скорее всего их убили.

– Но... как такое возможно? Ребенок же до сих пор жив. Я имею в виду, это же части *его самого*, разве нет? – спросил озадаченный Лоринг.

Притчард указал на кювету.

– Мы нашли глаз, пару зубов и ногтей у него в голове, и вы полагаете, что это части его самого? У него что, не хватает ногтей? Давайте проверим?

– Но даже рак – это всего лишь часть организма...

– Это был не рак, – терпеливо проговорил Притчард. Пока он объяснял, в чем тут дело, его руки продолжали свою работу. – Когда мать рождает единственного ребенка, это не значит, что он был один изначально. Вполне возможно, друг мой, что этот ребенок начинал свое существование как близнец. И такое бывает достаточно часто, примерно в двух случаях из десяти. Что происходит с другим плодом? Сильный поглощает слабого.

– Поглощает? Вы хотите сказать, он его *пожирал*? – Лоринг слегка позеленел. – То есть мы сейчас говорим о внутриутробном каннибализме?

– Называйте как вам угодно; такое случается довольно часто. Если когда-нибудь у нас появится этот ультразвуковой аппарат, о котором пока только болтают на медконференциях, тогда мы, наверное, сможем точно узнать, *как* часто. Но как бы часто или нечасто это ни происходило, то, что мы видели с вами сегодня, вообще редкий случай. Часть близнеца этого мальчика осталась непоглощенной и оказалась в конечном итоге в его префронтальной коре. А могла бы попасть и в кишечник, и в селезенку, и в позвоночник, куда угодно. Среди врачей что-то подобное наблюдают, как правило, только патологоанатомы – обнаруживают при вскрытии. Но я ни разу не слышал, чтобы чужеродная ткань стала причиной смерти.

– А с чем имеем дело мы? – спросил Альбертсон.

– Что-то пробудило к жизни эту остаточную ткань, которая еще год назад, вероятно, была ультрамикроскопической. Механизмы роста поглощенного близнеца, которые должны были остановиться навсегда как минимум за месяц до того, как миссис Бомонт родила, каким-то образом вновь запустились... и эта проклятая штука начала расти. В том, что случилось, нет ничего удивительного; одного только внутричерепного давления было достаточно, чтобы вызвать головные боли и судорожные припадки.

– Да, – тихо проговорил Лоринг, – но *почему* это произошло?

Притчард покачал головой.

– Если лет через тридцать у меня еще будет какая-то практика, кроме махания клюшкой для гольфа, тогда и задайте мне этот вопрос. Может быть, я смогу вам ответить. А пока что я знаю только одно: я обнаружил и удалил очень редкую и специфическую опухоль. *Доброкачественную* опухоль. И во избежание лишних сложностей ничего больше его родителям знать не надо. Папа у мальчика тот еще неандерталец. Хотя по сравнению с ним даже неандерталец показался бы светочем интеллекта. Я совершенно не представляю, как ему объяснить, что я только что сделал аборт его одиннадцатилетнему сыну. Лестер, давайте его закрывать. – И

любезно добавил, обращаясь к старшей сестре: – Я хочу, чтобы эта тупая овца, которая выбежала отсюда, была уволена. Проследите, пожалуйста.

– Да, доктор.

Тэда Бомонта выписали из больницы на десятый день после операции. Еще примерно полгода он испытывал гнетущую слабость во всей левой половине тела, а иногда, когда очень уставал, у него перед глазами начинали мигать странные и не совсем хаотичные вспышки света.

Мама купила ему пишущую машинку, старенький «Ремингтон-32», в подарок к выздоровлению, и чаще всего эти вспышки случались, когда Тэд склонялся над ней перед сном, пытаясь найти верный способ выразить ту или иную мысль или стараясь понять, что должно произойти дальше в рассказе, который он писал. Со временем это тоже прошло.

А то жутковатое призрачное чириканье – звук несметной эскадрильи летящих воробьев – после операции больше не повторялось.

Он продолжал писать, набираясь уверенности и шлифуя уже вырисовывающийся собственный стиль, и продал первый рассказ – журналу «Американский тинейджер» – через шесть лет после начала своей настоящей жизни. После этого он уже не оглядывался на прошлое.

Насколько было известно и родителям Тэда, и ему самому, небольшую доброкачественную опухоль успешно удалили из префронтальной коры его мозга осенью того года, когда ему исполнилось одиннадцать. Вспоминая об этом (что с годами случалось все реже), он размышлял только о том, как невероятно ему повезло, что он остался в живых.

Многим пациентам, перенесшим операцию на мозге в те далекие годы, повезло значительно меньше.

Часть первая

Фарш из дураков

Машина медленно разогнул скрепку и аккуратно распрямил ее длинными сильными пальцами.

Холстед понял, что сейчас будет, и принялся истошно кричать, когда Джек Ренджли сжал его голову огромными ладонями. Крики разнеслись по заброшенному складу долгим, раскатистым эхом. Огромное пустое пространство сработало в качестве естественного усилителя. Вопли Холстеда напоминали распевку оперного певца, который готовится к выступлению.

– Я вернулся, – сказал Машина. Холстед крепко зажмурился, но ему это не помогло. Тонкий стальной прутик легко прошел сквозь левое веко и с тихим хлопком проткнул глазное яблоко. Липкая, студенистая жидкость просочилась наружу. – Я восстал из мертвых, а ты, кажется, вовсе не рад меня видеть, неблагодарный ты сукин сын.
Джордж Старк. Дорога в Вавилон

Глава 1

Что подумают люди

1

Майский номер журнала «Пипл» был вполне заурядным.

На обложке красовалась фотография только что умершей знаменитости, рок-звезды, которая повесилась в тюрьме, где сидела по обвинению в хранении кокаина и прочих сопутствующих препаратов. Внутри все было как всегда. Обычная сборная солянка: девять нераскрытых убийств на сексуальной почве в какой-то заштатной провинции в западной части Небраски; гуру здоровой пищи, взятый с поличным на детском порно; домохозяйка из Мэриленда, вырастившая тыкву, немного похожую на бюст Иисуса Христа – если смотреть на него прищурившись и в полутьме; девушка с параличом нижних конечностей, тренирующаяся для участия в веломарафоне Большого Яблока; голливудский развод; свадьба в нью-йоркском высшем свете; борец, идущий на поправку после сердечного приступа; комик, открещивающийся от алиментов сожительнице.

Была там и статья об одном предпринимателе из Юты, занимавшемся продажами новой, совершенно чумовой куклы «Ой, мама!», которая по идее представляла «всеми любимую (?) свекровь». В куклу был встроен магнитофон, выдававший отдельные фразы типа: «В доме, где вырос твой муж, обед всегда подавали горячим, милочка» или «Твой *брат* никогда не ведет себя так, словно я человек третьего сорта, когда я приезжаю к нему погостить на недельку-другую». Но главная фишка заключалась в том, что для того чтобы «Ой, мама!» заговорила, нужно было не дергать за ниточку на спине, а *пинать* эту тварь со всей силы. «Мягкие материалы, из которых сделана кукла, гарантированно защищают от повреждений. Также мы гарантируем, что наша продукция не причинит никакого вреда стенам и мебели в вашей квартире», – с гордостью заявил изобретатель игрушки мистер Гаспар Уилмот (которому, как сообщалось вскользь, однажды было предъявлено обвинение в уклонении от уплаты налогов – обвинение снято).

И на тридцать третьей странице этого увлекательного и информативного выпуска самого увлекательного и информативного журнала Америки помещался раздел с типичным для «Пипл» подзаголовком: «Метко, емко и остро». Это был раздел «Биографии».

– «Пипл», – сказал Тэд Бомонт жене Лиз, которая сидела рядом за кухонным столом и вместе с ним перечитывала статью по второму разу, – заботится о своих читателях. «Биографии». Не хочешь читать «Биографии», открывай «Люди в беде» и читай о девицах, разделанных сексуальным маньяком в самом сердце Небраски.

– И совсем не смешно, если подумать об этом всерьез, – заметила Лиз Бомонт, но испортила впечатление, прыснув в кулак.

– Не «ха-ха», но довольно смешно, – ответил Тэд и принялся вновь перелистывать статью, рассеянно потирая пальцем маленький белый шрам на лбу.

Как и в большинстве выпусков «Пипл», «Биографии» оказались единственным разделом, где слов было больше, чем фотографий.

– Не жалеешь о том, что сделал? – спросила Лиз. Она постоянно прислушивалась к близнецам, но пока что они были чудо-детьми. Спали как ангелы.

– Ну во-первых, – сказал Тэд, – это сделал не я. Это сделали *мы*. Один за двоих, двое за одного, не забывай! – Он постучал пальцем по фотографии на второй странице статьи. На снимке жена протягивала Тэду блюдо с шоколадными кексами, а сам Тэд сидел за своей пишущей машинкой с заправленным в нее листом бумаги. Разобрать, что напечатано на листе –

если там вообще было что-нибудь напечатано, – не представлялось возможным. Наверное, это и к лучшему. Если он что и напечатал, то откровенную тарабарщину. Писательский труд всегда был для Тэда именно *трудом*, тяжелой работой, и уж явно не чем-то таким, чем он мог бы заниматься на публике – тем более если среди этой публики совершенно случайно присутствует фотограф из журнала «Пипл». Джорджу все это давалось гораздо легче, а Тэду Бомонту – чертовски тяжело. Лиз даже близко к нему не подходит, когда он (и иногда – успешно) пытается работать. Она не приносит ему *телеграммы*, не говоря уже о шоколадных кексах.

– Да, но...

– А во-вторых...

Тэд еще раз взглянул на снимок, где Лиз протягивала ему кексы, а он смотрел на нее снизу вверх. Они с Лиз широко улыбались друг другу. На лицах людей, пусть и приятных, но все же весьма осторожных в проявлении чувств, эти ухмылки смотрелись как минимум странно. Он вспомнил то давнее время, когда работал проводником в Аппалачах в Мэне, Нью-Хэмпшире и Вермонте. Тогда у него был ручной енок по имени Джон Уэзли Хардинг. Не то чтобы Тэд специально пытался приручить Джона; тот сам к нему привязался. Холодными зимними вечерами Тэд любил пропустить стаканчик, и старина Д.У. тоже не прочь был выпить, и когда ему перепало больше одного глоточка, он лыбился точно так же.

– Что во-вторых?

Во-вторых, это действительно очень смешно, когда однократный номинант на Национальную книжную премию и его жена улыбаются друг другу, как парочка пьяных енотов, подумал он и уже не сумел сдержать рвущийся наружу смех.

– Тэд, ты разбудишь детей!

Он попытался, хотя и не очень успешно, смеяться потише.

– Во-вторых, мы тут выглядим парочкой идиотов, но меня это мало волнует. – Тэд крепко обнял жену и поцеловал в ямочку между ключицами.

В соседней комнате расплакался Уильям, его поддержала Уэнди.

Лиз попыталась посмотреть на мужа с упреком, но у нее ничего не вышло. Слышать, как он смеется, – это так хорошо. Быть может, потому, что смеялся он редко. Для нее в его смехе таилось какое-то странное, чужеродное очарование. Тэд Бомонд никогда не был весельчаком.

– Виноват, – сказал он. – Пойду к ним.

Тэд встал, ударился о стол и едва его не опрокинул. Он был мягким, приветливым человеком, но поразительно неуклюжим; это осталось в нем от того мальчишки, которым он был когда-то.

Лиз все же успела перехватить кувшин с цветами, стоявший в центре стола. Буквально за миг до падения.

– Ты опять, Тэд! – воскликнула она, но потом тоже расхохоталась.

Он сел на место и не то чтобы взял жену за руку, а принялся легонько поглаживать ее руку двумя ладонями.

– Послушай, солнце, а *тебя* это волнует?

– Нет, – ответила она и хотела добавить: *Но мне все равно как-то не по себе. Не потому, что мы выглядим по-идиотски, а потому... даже не знаю. Мне просто немного тревожно, вот и все.*

Она об этом подумала, но вслух не сказала. Просто ей было так хорошо, когда муж смеялся. Она поймала его руку и легонько ее пожала.

– Нет, – повторила она. – Меня это ни капельки не волнует. По-моему, это забавно. И если огласка поможет тебе закончить «Золотого пса», когда ты наконец решишь взяться за него всерьез, то я только «за».

Она поднялась, а когда он тоже хотел подняться, усадила его на место, положив руки ему на плечи.

– Пойдешь к ним в следующий раз. А сейчас я хочу, чтобы ты сидел здесь. До тех пор, пока у тебя окончательно не пройдет подсознательное побуждение уничтожить мой кувшин.

– Хорошо, – согласился он и добавил: – Я люблю тебя, Лиз.

– Я тоже тебя люблю.

Она пошла к близнецам, а Тэд Бомонт принялся вновь перелистывать «Биографии».

В отличие от большинства статей в «Пипл» биография Тэда Бомонта начиналась не с полностраничной портретной фотографии, а с небольшого, на четверть страницы, снимка. Но он все равно цеплял взгляд, потому что автор макета – человек, явно имеющий вкус ко всему необычному, – поместил «кладбищенский» снимок Тэда и Лиз в толстую черную рамку. Строчки текста под рамкой создавали жесткий, почти режущий взгляд контраст.

На снимке Тэд держал лопату, а Лиз – кирку. Рядом стояла тачка с другим кладбищенским инвентарем. На самой могиле были разложены букеты цветов, но так, чтобы не закрывать надпись на надгробной плите:

ДЖОРДЖ СТАРК

1975–1988

Не самый приятный тип

В почти кощунственном противоречии с местом действия и самим действием (только что завершившимся погребением того, кто, судя по датам, был мальчиком, едва достигшим подросткового возраста), эти два лжемогильщика пожимали друг другу руки над свежим холмиком – и радостно улыбались.

Разумеется, это был постановочный снимок. Все фотографии, сопровождавшие статью: похороны, шоколадные кексы, Тэд на пустынной тропинке в лесах Ладлоу, где он якобы часто прогуливается в одиночестве в ожидании «творческого озарения», – были инсценировкой. Это было забавно. Лиз покупала «Пипл» в супермаркете уже примерно лет пять, и они оба над ним потешались, но все же каждый просматривал очередной номер журнала – за ужином, а иногда и в туалете, если поблизости не оказывалось хорошей книжки. Время от времени Тэд задумывался о странной популярности журнала, пытаясь понять, в чем причина его успеха: то ли в содержании, посвященном по большей части рассказам о знаменитостях, то ли просто в выигрышном оформлении, со всеми этими большими черно-белыми фотографиями и текстом, набранным жирным шрифтом и состоящим, как правило, из коротких простых предложений. Но ему никогда не приходило в голову, что фотографии могут быть постановочными.

Фотограф Филлис Майерз сразу же сообщила Тэду и Лиз, что она сделала серию снимков плюшевых медвежат в маленьких гробиках и что все медвежата были одеты в детские костюмчики. Она надеялась продать снимки как целую книжку одному крупному нью-йоркскому издательству. И лишь на второй день фотосессии и интервью Тэд наконец сообразил, что фотограф пытается прозондировать почву, не согласится ли он написать текст для ее будущей книжки.

– «Смерть и плюшевые медведи», – сказала она, – станет последним, уже окончательным толкованием американского образа смерти, вам так не кажется, Тэд?

Он подумал, что в свете таких макабрических интересов вовсе не удивительно, что эта Майерз подготовила для Джорджа Старка надгробный камень и привезла его с собой из Нью-Йорка. Как настоящий, только из папье-маше.

– Вы ведь пожмете друг другу руки на его фоне? – спросила она с улыбкой, одновременно и лстливой, и самодовольной. – Это будет *потрясающий* кадр.

Лиз с легким испугом взглянула на Тэда. Потом они оба устали на фальшивое надгробие, прибывшее из Нью-Йорка (постоянной резиденции редакции журнала «Пипл») в Касл-Рок, штат Мэн (летнюю резиденцию Тэда и Лиз Бомонт), со смешанным чувством недоумения и изумления. Последняя строчка буквально притягивала к себе взгляд Тэда:

Не самый приятный тип

Если коротко и по существу, то история, которую «Пипл» готовил для затаивших дыхание почитателей знаменитостей, была очень простой. Тэд Бомонт был довольно известным писателем, чей первый роман «Стремительные танцоры» выдвигался на Национальную книжную премию в 1972 году. Это действительно кое-что значило в литературно-критических кругах, но затаившим дыхание почитателям знаменитостей было глубоко плевать на Тэда Бомонта, который с тех пор опубликовал под собственным именем лишь один новый роман. Того, кто был интересен широкой публике, на самом деле не существовало. Тэд написал свой убойный бестселлер и три очень успешных его продолжения под псевдонимом. Разумеется, под псевдонимом Джордж Старк.

Первым историю Джорджа Старка обнародовал Джерри Харкви, представлявший в своем лице весь штат уотервиллского отделения Ассошиэйтед Пресс. Это произошло после того, как агент Тэда Рик Каули передал ее Луизе Букер из «Паблишерс уикли». Передал, ясное дело, с согласия Тэда. Ни Харкви, ни Букер не знали всю историю целиком – Тэд категорически не желал, чтобы этот пронырливый мелкий гаденыш Фредерик Клоусон удостоился пусть даже краткого упоминания, – но все равно было бы очень неплохо распространить информацию шире, чем это могли обеспечить Ассошиэйтед Пресс и узкоспециальный книгоиздательский журнал. Рику и Лиз Тэд сказал, что в этой истории Клоусон – никто. Просто засранец, который вынудил их предать историю огласке.

В ходе того, самого первого интервью Джерри спросил Тэда, каким человеком был Джордж Старк.

– Джордж, – ответил Тэд, – был не самым приятным типом.

Эта фраза, которую Джерри поставил в подзаголовок своей статьи, и вдохновила Филлис Майерз заказать фальшивый надгробный камень с этой самой надписью. Поистине мир – странное место. Очень странное, очень.

Внезапно Тэд снова расхохотался.

2

Внизу на траурной рамке вокруг фотографии Тэда и Лиз на одном из красивейших кладбищ Касл-Рока шла надпись в две строчки, набранные белым шрифтом.

Первая строчка: ПОКОЙНЫЙ БЫЛ ОЧЕНЬ БЛИЗОК ЭТИМ ДВУМ ЛЮДЯМ.

Вторая: ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ ОНИ СМЕЮТСЯ?

– Потому что мир – *очень странное* место, – произнес Тэд Бомонт и фыркнул в кулак.

Не только Лиз Бомонт испытывала смутное беспокойство из-за этой публикации. Ему самому тоже было как-то беспокойно. Но его все равно душил смех. Тэд на пару секунд умолкал, а потом его взгляд снова падал на эту строчку: *Не самый приятный тип*, – и его тут же одолевал новый приступ смеха. Сдерживать этот смех было так же бессмысленно, как затыкать дыры в плохо построенной земляной плотине: как только закроешь течь в одном месте, сразу же прорывает в другом.

Тэд подозревал, что в этом безудержном смехе было что-то не очень здоровое. Похоже, это уже истерика. Он знал, что подобные приступы смеха редко когда происходят от настоящего, искреннего веселья. На самом деле причина всегда заключается в чем-то прямо противоположном.

В чем-то, чего, может быть, надо бояться.

Ты что же, боишься какой-то дурацкой статьи в журнале? Ты об этом сейчас подумал? Что за бред. Ты боишься, что над тобой будут смеяться? Что твои коллеги на факультете увидят эти фотографии и решат, что ты окончательно съехал с катушек?

Нет. Ему нечего было бояться своих коллег, даже тех, кто сидел на кафедре со времен динозавров. Он наработал положенный стаж, так что уволить его не могут, и у него хватит денег, чтобы – тут вступают фанфары! – вообще не работать, а только писать, если ему так захочется (хотя ему вряд ли захочется; Тэда совершенно не интересовали бюрократическая и административная стороны университетской жизни, но преподавать ему нравилось). Тем более его уже давно перестало заботить, что подумают о нем коллеги. Да, ему небезразлично, что подумают о нем друзья, и в ряде случаев его друзья, друзья Лиз и их общие друзья оказывались заодно и коллегами, но он был уверен, что эти люди уж точно поймут, в чем тут хохма.

Если чего-то и надо бояться, так это...

Прекрати, приказал его разум тем сухим, строгим тоном, от которого сразу бледнели и умолкали даже самые буйные из студентов-старшекурсников. *Прекрати эту дурь. Сейчас же.*

Как бы не так. Может быть, на студентов этот тон действовал безотказно, но над самим Тэдом он был не властен.

Тэд опять взглянул на фотографию, но на этот раз он смотрел не на лица жены и самого себя, изображавшие наигранные нахальные улыбочки – словно у пары подростков, затевающих какую-то мерзопакость, – чтобы показать, что им все нипочем.

ДЖОРДЖ СТАРК

1975–1988

Не самый приятный тип

Вот от чего ему было не по себе.

От этого надгробного камня. От этого имени. От этих дат. Но больше всего – от этой язвительной эпитафии, которая вызывала у него приступы неудержимого смеха, но при этом была ни капельки не *смешной*.

Это имя.

Эта эпитафия.

– Уже не важно, – пробормотал Тэд. – Ублюдок мертв.

Но беспокойство не проходило.

Когда Лиз вернулась, неся в каждой руке по свежевывытому и переодетому близнецу, Тэд сидел, снова уткнувшись в статью.

– Я его убил?

Тадеус Бомонт, когда-то считавшийся самым многообещающим романистом Америки, чей первый роман «Стремительные танцоры» выдвигался на Национальную книжную премию в 1972 году, задумчиво повторяет вопрос. Кажется, он немного смущен.

– Убил, – тихо повторяет он, словно само это слово никогда не приходило ему на ум... хотя его «темная половина», как сам Бомонт называет Джорджа Старка, только об убийствах и думал.

Из стеклянной банки с широким горлом, стоящей рядом со старомодной пишущей машинкой «Ремингтон-32», он достает бероловский карандаш «Черный красавец» (по словам Бомонта, Старк не признавал никаких других письменных принадлежностей) и принимается его грызть. Судя по виду всех остальных «ЧК» в банке, грызть карандаши – давняя привычка.

– Нет, – говорит он, возвращая карандаш на место. – Я его не убивал. – Он поднимает взгляд и улыбается. Бомонту тридцать девять, но когда он улыбается так искренне и открыто, его запросто можно принять за одного из его студентов. – Джордж умер естественной смертью.

Бомонт говорит, что Джорджа Старка придумала его жена. Элизабет Стивенс Бомонт, спокойная очаровательная блондинка, не желает приписывать все заслуги только себе.

– Я всего лишь предложила ему написать роман под другим именем и посмотреть, что из этого выйдет, – объясняет она. – Тэд тогда пребывал в затяжном творческом кризисе, и его надо было как-то подтолкнуть. И если по правде, – она смеется, – Джордж Старк был всегда. Я замечала, как он проглядывал в некоторых незаконченных романах, за которые Тэд время от времени брался. Он всегда был где-то рядом, оставалось лишь вытащить его из тени.

По мнению многих собратьев по цеху, проблемы Бомонта не ограничивались только творческим кризисом. Как минимум двое известных писателей (просивших не называть их имена) говорят, что они беспокоились за состояние рассудка Бомонта в тот критический период между его первой и второй книгами. Один из них предполагает, что Бомонт, возможно, пытался покончить с собой после выхода в свет «Стремительных танцоров», книги, снискавшей хвалебные отзывы критиков, но так и не ставшей бестселлером.

На вопрос, не собирался ли он свести счеты с жизнью, Бомонт лишь качает головой:

– Мысль совершенно дурацкая. Проблема была не в признании публики. Это был творческий кризис. А у мертвых писателей это уже не лечится.

А тем временем Лиз Бомонт продолжала «лоббировать» – как это назвал сам Бомонт – мысль насчет псевдонима.

– Она сказала, что хотя бы раз в жизни можно дать себе волю и оторваться. Написать то, что хочется. Любой бред. И не думать о том, что, пока я пишу, у меня над душой стоит всемогущий «Книжный обзор „Нью-Йорк таймс“». Она сказала, что можно было бы написать вестерн, или мистику, или научную фантастику. Или криминальный роман.

Тэд Бомонт улыбается.

– Думаю, она неспроста о нем упомянула. Она знала, что я давно носился с мыслью написать криминальный роман, но не знал, как к нему подступиться. Мысль о псевдониме была очень *заманчивой*. Она была как удобный предлог. Как *путь к свободе*... этакий потайной спасательный люк, если вы понимаете, что я имею в виду. Но тут было еще кое-что. Что-то такое, что очень трудно объяснить.

Бомонт тянется к банке с остро заточенными карандашами, но потом убирает руку. Смотрит в огромное, во всю стену, окно, за которым зеленеют деревья.

– Писать под псевдонимом – это как будто стать невидимкой, – говорит он нерешительно. – Чем больше я об этом думал, тем сильнее мне казалось, что это будет... как бы лучше сказать... словно я выдумываю себя заново.

Его рука снова тянется к банке, и на этот раз ей удается схватить один из карандашей, пока мысли Бомонта заняты чем-то другим.

Тэд перевернул страницу, но оторвался от чтения и взглянул на близнецов, сидевших на двойном детском стульчике. Разнополые близнецы всегда дизиготны. Однако Уэнди и Уильям действительно были почти идентичны – насколько могут быть идентичными два разных человека.

Уильям улыбнулся Тэду из-за своей бутылочки.

Уэнди тоже улыбнулась из-за *своей*, щеголяя одной принадлежностью, которой пока еще не было у ее брата, – единственным передним зубиком, который прорезался совершенно без боли, просто вынырнул из десны так же тихо, как перископ подводной лодки поднимается над поверхностью моря.

Уэнди оторвала одну пухлую ручку от пластиковой бутылочки. Разжала ее, показав чистенькую розовую ладошку. Сжала. Разжала. Уэнди машет ручкой.

Не глядя на сестренку, Уильям оторвал ручку от *своей* бутылочки. Разжал ее, сжал и снова разжал. Уильям машет ручкой.

Тэд торжественно поднял руку, разжал ее, сжал и разжал.

Близнецы заулыбались за своими бутылочками.

Тэд взглянул на журнал. Эх, «Пипл», подумал он, *где бы мы были, что бы мы делали без тебя? Это, ребята, звездное время Америки.*

Автор статьи вытащил наружу все грязное белье, которое только можно было вытащить, – и прежде всего, разумеется, тот кошмарный четырехлетний период после того, как «Стремительные танцоры» так и не получили Национальную книжную премию. Но этого и следовало ожидать, и Тэд вдруг поймал себя на мысли, что его совершенно не беспокоит эта выставка грязного белья. Во-первых, белье было не таким уж и грязным, а во-вторых, он всегда чувствовал, что с правдой жить легче, чем с ложью. По крайней мере в долгосрочной перспективе.

Что, разумеется, вызывало вопрос: а есть ли что-нибудь общее у долгосрочной перспективы и журнала «Пипл»?

Впрочем, ладно. Теперь уже поздно.

Парня, который написал статью, звали Майк – имя Тэд помнил, а фамилия напрочь вылетела из головы. Если ты не какой-нибудь граф, сплетничающий о королевской семье, и не кинозвезда, сплетничающая о других кинозвездах, когда пишешь для «Пипл», твоё имя ставят в конце материала. Тэду пришлось перелистать четыре страницы (две из которых занимала полностраничная реклама), чтобы добраться до имени автора. Майк Дональдсон. Они с Майком засиделись допоздна, просто болтая о том о сем, и когда Тэд спросил, неужели кого-то и вправду волнует, что он написал несколько книг под другим именем, Майк ответил ему так, что Тэд долго смеялся.

– По данным опросов, у большинства читателей «Пипл» крайне узкие носы. Ковыряться в таких носах неудобно, так что им волей-неволей приходится ковыряться в чужих. Они захотят узнать все о твоём друге Джордже.

– Он мне не друг, – возразил Тэд, всё ещё смеясь.

Сейчас он спросил Лиз, стоявшую у плиты:

– Ты там справляешься, солнце? Тебе помочь?

– Нет, я сама. Просто варю близнецам кашу. А ты всё никак от себя не оторвешься?

– Всё никак, да, – нисколько не смущаясь, согласился Тэд и вернулся к статье.

– Труднее всего было выдумать имя, – продолжает Бомонт, легонько покусывая карандаш. – Но это было действительно важно. Я знал, что это поможет... Поможет мне справиться с творческим кризисом... если у меня будет новая личность. Настоящая личность, совершенно отдельная от меня самого.

И как был выбран Джордж Старк?

– Знаете, есть такой писатель – Дональд Уэстлейк, – объясняет Бомонт. – Под своим настоящим именем Уэстлейк пишет криминальные романы, очень смешные, в жанре социальной комедии. О жизни и нравах американцев. Но с начала шестидесятых и где-то до середины семидесятых он написал серию романов под псевдонимом Ричард Старк, и эти книги были совсем другими. В них говорится о человеке по имени Паркер. Он профессиональный грабитель. У него нет прошлого, нет будущего и, в лучших книгах, нет никаких интересов, кроме собственно грабежа. Как бы там ни было, по причинам, о которых вам лучше спросить самого Уэстлейка, он перестал писать книги о Паркере. Но я никогда не забуду, что сказал Уэстлейк, когда псевдоним был раскрыт. Он сказал, что писал свои книги в ясные, солнечные деньки, а Старк забирал себе все дождливые дни. Мне это понравилось, потому что в период с 1973-го до начала 1975-го у меня все дни были дождливыми. Так вот, в самых лучших из этих книг Паркер – скорее робот-убийца, а не живой человек. Постоянная тема этих романов – ограбленные грабители. И Паркер разбирается с плохими парнями – с другими плохими парнями, я имею в виду – точно как робот, запрограммированный на одну-единственную задачу. «Отдавай мои

деньги», – говорит он, и, собственно, только это он и говорит. Ну почти. «Отдавай мои деньги, отдавай мои деньги». Вам это никого не напоминает?

Наш корреспондент кивает. Бомонт описывает Алексиса Машину, главного героя первого и последнего романов Джорджа Старка.

– Если бы «Путь Машины» завершился так же, как начинался, я бы, конечно, не стал его публиковать, – продолжает Бомонт. – Это был бы плагиат. Но где-то после первой четверти роман обрел собственный ритм, и все встало на свои места.

Корреспондент уточняет, имеет ли Бомонт в виду, что во время работы над книгой в какой-то момент Джордж Старк проснулся и заговорил от себя.

– Да, – говорит Бомонт. – Примерно так все и было.

Тэд оторвался от статьи и снова чуть не рассмеялся. Близнецы увидели, как он улыбается, и тоже заулыбались над ложечками горохового пюре, которым их кормила Лиз. На самом деле, тогда Тэд сказал совершенно другое. А именно: «*Господи*, ну зачем так театрально? Вас послушать, так это прямо „Франкенштейн“. Та его часть, где молния ударяет в шпиль замковой башни и оживляет чудовище!»

– Я не смогу их накормить, если ты не прекратишь это, – сказала Лиз. На самом кончике ее носа зеленела крошечная точка горохового пюре, и Тэду вдруг захотелось слизнуть ее поцелуем.

– Не прекращу что?

– Ты улыбаешься – *они* улыбаются. Как прикажешь кормить *улыбающихся* младенцев?

– Прости, – смиренно произнес он и подмигнул близнецам. Они снова заулыбались в ответ – одинаковыми улыбками, зелеными от пюре.

Он опустил взгляд и продолжил читать.

– Я начал «Путь Машины» в 1975-м, в тот же вечер, когда придумал псевдоним. Но было *еще кое-что*. Я сел за стол, заправил лист в пишущую машинку... и тут же вытащил. Все свои книги я печатал на машинке, но Джордж Старк явно не одобрял пишущие машинки.

Бомонт вновь усмехается.

– Может быть, потому, что в местах не столь отдаленных, где он периодически обретался, не было курсов машинописи.

Бомонт имеет в виду биографию Джорджа Старка, придуманную для обложек. В биографии говорится, что Старку тридцать девять лет, что он трижды сидел в трех разных тюрьмах по обвинениям в поджоге, в нападении с применением смертоносного оружия и в нападении с целью убийства. Но биография для обложек – это лишь часть истории. Бомонт показывает нашему корреспонденту автобиографический лист для «Дарвин пресс», в котором история его *alter-ego* расписана так подробно и живо, как это мог сделать лишь настоящий писатель. От рождения Джорджа Старка в Манчестере, штат Нью-Хэмпшир, до последнего места жительства в Оксфорде, штат Миссисипи, – там есть все, кроме его погребения на городском кладбище Касл-Рока, штат Мэн.

– Я нашел в столе старый блокнот и вот это. – Он указывает на банку с карандашами и с удивлением замечает, что держит в руке карандаш, вынутый из этой самой банки. – Я начал писать и очнулся только тогда, когда Лиз заглянула ко мне и спросила, не собираюсь ли я идти спать, потому что уже полночь.

У Лиз Бомонт есть свои собственные воспоминания о том вечере. Она говорит:

– Я проснулась без четверти двенадцать, увидела, что его нет в постели, и подумала: «Ну, наверное, работает». Но я не услышала стука пишущей машинки и слегка испугалась.

Судя по ее выражению, она тогда испугалась совсем не слегка.

– Когда я спустилась вниз и увидела, как он строчит в этом блокноте, я чуть не рухнула от изумления. – Она смеется. – Он чуть ли не носом водил по бумаге.

Корреспондент спрашивает, испытала ли она облегчение.

Тихим и сдержанным голосом Лиз отвечает:

– *Огромное* облегчение.

– Я перелистал блокнот и увидел, что исписал шестнадцать страниц без единого исправления, – говорит Бомонт. – И извел три четверти нового карандаша на стружку в точилке. – Он смотрит на банку с карандашами с выражением, которое можно принять то ли за тихую грусть, то ли за скрытый юмор. – Наверное, теперь, когда Джордж уже мертв, мне надо выкинуть эти карандаши. Сам я ими не пользуюсь. Я пытался. Ничего не выходит. Не могу работать без машинки. Руки устают и не слушаются.

– А Джорджа слушались.

Он поднимает голову и таинственно подмигивает.

– Солнце? – Он посмотрел на жену, которая сосредоточенно запихивала в Уильяма остатки горохового пюре. Похоже, большая часть обеда осталась на слюнявчике малыша.

– Что?

– Обернись на секундочку.

Она обернулась к нему.

Тэд подмигнул.

– Это было таинственно?

– Нет, дорогой.

– Я так и думал.

Все остальное – уже следующая ироническая глава в длинной истории того, что, по словам Тэда Бомонта, «больные люди называют романом».

«Путь Машины» был опубликован в июне 1976-го в маленьком издательстве «Дарвин пресс» (книги «настоящего» Бомонта печатались в «Даттоне») и стал главным книжным сюрпризом года, заняв первое место в списках бестселлеров по всей стране. Фильм, снятый по книге, также стал хитом сезона.

– Долгое время я ждал, что кто-нибудь обнаружит, что я – это Джордж, а Джордж – это я, – говорит Бомонт. – Авторское право было зарегистрировано на имя Джорджа Старка, но правду знал мой агент, правду знала его жена – теперь уже бывшая жена, но по-прежнему полноправный деловой партнер, – и, конечно же, руководство и главный бухгалтер из «Дарвин пресс» были в курсе. Бухгалтер, понятное дело, не мог не знать. Хотя Джордж и писал свои книги от руки, у него были некоторые проблемы с подписью на чеках. И конечно, в налоговой службе тоже должны были знать. Так что около полутора лет мы с Лиз ждали, когда нас раскроют. Но этого не случилось. Думаю, это простое везение. И это доказывает одно: когда ты уверен, что кто-то точно начнет болтать, все держат язык за зубами.

И все держали язык за зубами еще десять лет, за которые неуловимый мистер Старк – намного более плодовитый писатель, чем его другая половина, – опубликовал еще три романа. Ни один из них не повторил убойного успеха «Пути Машины», но все они привлекали внимание и поднимались на верхние строчки в списках бестселлеров.

После долгой, задумчивой паузы Бомонт начинает рассказывать о причинах, по которым все же решил раскрыть свой столь прибыльный секрет:

– Следует помнить, что Джордж Старк был человеком лишь на бумаге. Долгое время мне нравилось с ним работать... и, черт возьми, парень умел делать деньги. Я называл их своими деньгами «пошли все на...». Одно только знание того, что я могу бросить преподавание, если мне так захочется, и при этом не думать о том, на что жить, давало мне невероятное ощущение свободы.

– Но я хотел снова писать *свои* книги, да и Старк уже стал выдыхаться. Все очень просто. Я это знал, Лиз это знала, мой агент тоже знал... думаю, даже редактор Джорджа в «Дарвин пресс» это знал. Но если бы я сохранил свой секрет, то в конечном итоге не устоял бы перед искушением написать еще одну книгу Джорджа Старка. Так же, как все, я подвластен заман-

чивой песне сирен – звону монет. Так что надо было решиться и забить кол ему в сердце раз и навсегда. Иными словами, предать все огласке. Что я и сделал. Что я, собственно, делаю прямо сейчас.

Тэд оторвался от статьи и усмехнулся. Недавнее изумление насчет постановочных фотографий в «Пипл» вдруг показалось ему наигранным и лицемерным. Потому что в журналах не только фотографии представляют все так, как того ждут читатели. В той или иной степени так же поступают и те, у кого берут интервью. И наверное, у него самого это выходит чуточку лучше, чем у некоторых. В конце концов, он писатель... а писателям платят за выдумки. И чем лучше выдумка, тем больше платят.

Старк уже стал выдыхаться. Все очень просто. Как недвусмысленно.

Как победно.

Какое дерьмо.

– Солнце?

– Ммм?

Лиз пыталась вытереть личико Уэнди. Уэнди была не в восторге. Она вертелась и отворачивалась, возмущенно бормоча, а Лиз «ловила» ее салфеткой. Тэд подумал, что в конечном итоге жена сделает что собиралась, хотя не исключен и такой вариант, что ей надоест раньше. Похоже, Уэнди тоже этого не исключала.

– Может, мы зря соврали о роли Клоусона во всем этом?

– Мы не соврали, Тэд. Мы просто не упоминали о нем.

– Вот гаденыш, да?

– Нет, дорогой.

– Нет?

– Нет, – невозмутимо проговорила Лиз. Теперь она начала вытирать личико Уильяма. –

Он мелкий мерзкий Выползень.

Тэд фыркнул.

– Выползень?

– Выползень, да.

– В первый раз слышу такое слово.

– Я видела это название на кассете в видеопрокате, когда заходила туда на прошлой неделе. Фильм ужасов. «Нашествие выползней». Я еще подумала: «Класс! Кто-то снял фильм о Фредерике Клоусоне и его семействе. Надо будет сказать Тэду». Но потом я забыла и вспомнила только сейчас.

– То есть ты считаешь, что это правильно.

– Еще как правильно. – Рукой, держащей салфетку, она указала сначала на Тэда, потом на раскрытый журнал на столе. – Тэд, ты получил с этого свою выгоду. «Пипл» получил свою. А Фредерик Клоусон получил хрена лысого... чего он и заслуживает.

– Спасибо, – сказал он.

Она пожала плечами:

– Не за что. Иной раз ты бываешь таким чувствительным, Тэд.

– А это плохо?

– Да... это плохо... Уильям, ну сколько можно! Тэд, если бы ты мне помог хоть чуть-чуть...

Тэд закрыл журнал, подхватил Уилла и понес в детскую следом за Лиз, которая несла Уэнди. Упитанный пухлый малыш был теплым и приятно тяжелым. Обвив ручонками шею Тэда, он разглядывал все вокруг, как всегда, с неслабеющим интересом. Лиз положила Уэнди на один пеленальный столик; Тэд положил Уилла на другой. Они поменяли промокшие подгузники на сухие. Лиз управилась чуть быстрее.

– Ладно, – произнес Тэд, – о нас написали в «Пипл», и на этом все завершилось. Да?

– Да, – ответила она и улыбнулась. Что-то в этой улыбке показалось Тэду не совсем искренним, но он вспомнил свой собственный приступ неудержимого смеха и решил оставить все как есть. Иногда он испытывал странную неуверенность – своего рода психический аналог физической неуклюжести – и тогда принимался терзать Лиз. Она редко огрызалась в ответ, но иногда он замечал в ее взгляде усталость, если это затягивалось надолго. Как она сказала? *Иной раз ты бываешь таким чувствительным, Тэд.*

Тэд пытался закрепить подгузник, придерживая локтем животик радостно извивавшегося сына, чтобы тот не свалился со столика и не убился, чего Уилл, кажется, и добивался.

– Бугура! – закричал Уилл.

– Ага, – согласился Тэд.

– Дивит! – добавила Уэнди.

– И это тоже, – кивнул Тэд.

– Хорошо, что он мертв, – вдруг произнесла Лиз.

Тэд поднял голову. На мгновение задумался и кивнул. Не было нужды спрашивать, о ком речь. Они оба знали.

– Да.

– Мне он не нравился.

Приятно услышать такое от собственной жены, едва не ответил он, но сдержался. В этом не было ничего странного, ведь она говорила не о нем. Манера письма Джорджа Старка была не единственным важным различием между ними.

– Мне тоже, – согласился он. – Что у нас на ужин?

Глава 2

Испоганенный дом

1

В ту ночь Тэду приснился кошмар. Он проснулся чуть ли не в слезах и дрожал, словно щенок, застигнутый грозой. Во сне с ним был Джордж Старк, только Джордж был не писателем, а агентом по продаже недвижимости и все время стоял за спиной Тэда, то есть присутствовал как голос и тень.

2

В автобиографическом листе для «Дарвин пресс» (Тэд сочинил его как раз перед тем, как засесть за «Оксфордский блюз», второе произведение Джорджа Старка) было сказано, что Старк водит пикап «Джи-Эм-Си» 1967 года выпуска, который «держится на честном слове и добротной грунтовке». Однако во сне они ехали на черном «торонадо», и Тэд понял, что с пикапом он оплошал. *Вот на чем ездил Старк. На этом реактивном катафалке.*

Этот «торонадо» с приподнятым задом был совсем не похож на машину агента по продаже недвижимости. Подобная тачка подходила скорее какому-нибудь бандиту средней руки. Тэд оглянулся на нее через плечо, когда они шли к дому, который Старк почему-то собирался ему показать. Он подумал, что сейчас увидит Старка, и сердце кольнула игла леденящего страха. Но Старк вдруг оказался у него за спиной, за другим плечом (хотя непонятно, как ему удалось переместиться так быстро и так беззвучно), и Тэд увидел только машину, стального паука, сверкающего на солнце. С наклейкой на задранном кверху заднем бампере: «ПСИХОВАННЫЙ СУКИН СЫН». Слева и справа от надписи располагались черепа со скрещенными костями.

Дом, куда привез его Старк, был *его собственным* домом – не зимним в Ладлоу, неподалеку от университета, а летним в Касл-Роке. Задний двор дома выходил прямо на северную бухту озера Касл, и Тэд слышал слабый плеск волн, набегавших на берег. На небольшой лужайке за подъездной дорожкой стояла табличка: «ПРОДАЕТСЯ».

Хороший дом, да? – почти прошептал Старк у него за плечом. Голос был грубым, шероховатым, но ласковым, словно прикосновение кошачьего языка.

Это мой дом, сказал Тэд.

Ошибочка вышла. Хозяин этого дома мертв. Убил жену и детей, а потом и себя порешил. Так вот разом со всем разобрался. Шандарахнул, дернулся – и привет. Имел он к этому склонность. Что, кстати, сразу бросалось в глаза, даже присматриваться не надо. Можно сказать, это было на поверхности.

По-твоему, это смешно? – хотел спросить Тэд. Было очень важно показать Старку, что он его не боится. Это было важно *потому*, что Тэд был смертельно напуган. Но прежде чем он успел облечь мысль в слова, огромная рука без единой линии на ладони (хотя было сложно сказать наверняка – тень от согнутых пальцев легла на кожу сложным узором) протянулась над его плечом и покачала ключами прямо у него перед носом.

Нет – не покачала. Если бы все было так, Тэд, наверное, смог бы заговорить, смог бы отмахнуться от ключей, чтобы показать, что он совсем не боится этого страшного человека, который упорно стоит у него за спиной. Но рука, державшая ключи, *едва не ударила* его в лицо. Тэду пришлось схватить их, чтобы они не расквасили ему нос.

Он вставил один из ключей в замок на входной двери – гладкой дубовой панели с ручкой и молотком в виде маленькой птички. Ключ повернулся легко, что было странно. Ключ был не от дверного замка, а от пишущей машинки. Он крепился к длинному стальному стержню. Все остальные ключи в связке оказались отмычками вроде тех, которыми пользуются грабители.

Он взялся за ручку и повернул ее. В ту же секунду обитая железом дубовая дверь вся усохла и сжалась, издав серию громких хлопков наподобие взрывов петард. Свет просочился наружу сквозь образовавшиеся трещины – вместе с облачком пыли. Раздался сухой щелчок, одна из декоративных железяк, украшавших дверь, отвалилась и упала на крыльцо прямо под ноги Тэду.

Он шагнул внутрь.

Он не хотел заходить в дом; он хотел постоять на крыльце и поспорить со Старком. И не просто поспорить, а *возмутиться*! Спросить у него, ну зачем, ради всего святого, он это делает. Потому что заходить в дом было еще страшнее, чем иметь дело с самим Старком. Но это был сон, плохой сон, и похоже, что сущность любого плохого сна – отсутствие контроля. Как будто мчишься на «американских горках», и твой вагончик в любую секунду может сорваться с рельсов и впечатать тебя в кирпичную стену, где ты умрешь так же грязно и неприглядно, как насекомое под ударом мухобойки.

Знакомая прихожая представлялась совсем незнакомой, чуть ли не враждебной. В основном из-за отсутствия старой, потертой ковровой дорожки, которую Лиз давно грозилась выкинуть на помойку... и хотя во сне это казалось пустячной мелочью, позже он часто думал об этом. Может быть, потому, что это было действительно страшно – страшно и за пределами сна. Можно ли говорить о какой-то стабильности в жизни, если изъятие такой малости, как старая ковровая дорожка в прихожей, вызывает столь сильные чувства несоответствия, растерянности, печали и страха?

Ему не понравилось эхо собственных шагов по голому деревянному полу, и не только потому, что из-за этого эха дом звучал так, словно злодей, стоявший у него за спиной, сказал правду – что здесь не живут, что здесь царит боль пустоты и безмолвия. Ему не нравился этот звук, потому что его шаги звучали потерянно и убийственно грустно.

Он хотел развернуться и уйти, но не мог этого сделать. Потому что у него за спиной стоял Старк, и Тэд откуда-то знал, что Старк держит в руке опасную бритву Алексиса Машины – ту самую бритву с перламутровой ручкой, которой одна из его любовниц исполосовала мерзавцу лицо в конце «Пути Машины».

Если он сейчас обернется, Джордж Старк повторит то же самое с его лицом.

Может, дом и был безлюден, но, кроме ковров (оранжево-розовый, от стены до стены, ковер в гостиной тоже исчез), вся обстановка осталась на месте. Ваза с цветами стояла на маленьком столике в конце коридора, откуда можно было либо пройти прямо в гостиную с ее высоким потолком и окном во всю стену, выходящим на озеро, либо свернуть направо, в кухню. Тэд прикоснулся к вазе, и она взорвалась осколками и едким облаком керамической пыли. Вылилась застоявшаяся вода, и полдюжины свежих садовых роз почернели и сохли еще до того, как упали в зловонную лужицу на столе. Тэд прикоснулся к столу. Дерево отозвалось сухим треском, и столик раскололся надвое, его половинки осели на голый пол.

Что ты сделал с моим домом? – крикнул он человеку, стоявшему сзади... но не обернулся. Ему *и не надо было* оборачиваться, чтобы убедиться в присутствии опасной бритвы, которой (еще до того, как Нонни Гриффитс изукрасила ею Машину так, что его щеки свисали лоскутами мяса, а один глаз почти вывалился из глазницы) сам Машина взрезал носы своих «деловых конкурентов».

Ничего, ответил Старк, и Тэду не нужно было оглядываться, чтобы убедиться, что тот усмехается. Эта усмешка явственно слышалась в голосе. *Это сделал ты, дружище.*

Потом они оказались в кухне.

Тэд прикоснулся к плите, и она раскололась надвое с глухим звуком, похожим на звон большого колокола, заросшего грязью. Нагревательные спирали криво торчали вверх и раскачивались, как на ветру. Из темной дыры посередине духовки потянуло зловонием, и, заглянув внутрь, Тэд увидел индейку. Сгнившую и вонючую. Из нее вытекала какая-то черная жижа со сгустками полуразложившегося мяса.

Здесь у нас это называется фаршем из дураков, сказал Старк у него за спиной. *Дураки только на фарш и годятся.*

Ты о чем? – спросил Тэд. *Где здесь?*

В Эндсвиле, Тэд, спокойно проговорил Старк. *В месте, где заканчиваются все рельсы.*

Он добавил что-то еще, но Тэд не расслышал. На полу валялась сумочка Лиз, и Тэд о нее споткнулся. Чтобы не упасть, он схватился за стол, и тот осыпался на линолеум горой опилок и щепок. Блестящий гвоздь покатился в угол с тихим металлическим стуком.

Прекрати! Сейчас же! – закричал Тэд. *Хочу проснуться! Ненавижу ломать вещи!*

Уж кто всегда был неуклюжим, так это ты. Старк произнес это так, словно у Тэда была целая куча братьев, и все грациозные, как газели.

Вовсе не обязательно, встревоженный голос Тэда звенел, едва не срываясь на всхлип. *Мне вовсе не обязательно быть неуклюжим. И не обязательно все ломать. Когда я осторожен, то все нормально.*

Да... плохо только, что ты забыл об осторожности, сказал Старк, улыбаясь, все тем же голосом из разряда «я просто сообщаю, как обстоят дела». И они оказались в прихожей у задней двери.

Там была Лиз. Она сидела, раскинув ноги, в углу у двери в дровяной сарай. Один тапочек был на ноге, второй исчез. У нее на коленях лежалдохлый воробей. Лиз была в нейлоновых чулках, и Тэд увидел «дорожку» на одном из них. Она сидела, свесив голову; слегка жестковатые золотистые волосы закрывали лицо. Он не хотел видеть ее лицо. Точно так же, как ему не надо было смотреть на Старка, чтобы убедиться, что тот держит бритву, а его губы растянулись в острой как бритва ухмылке, ему не надо было смотреть на лицо Лиз, чтобы понять, что она не спит и не в обмороке. Она мертва.

Включи свет, будет лучше видно, сказал Старк с улыбкой все тем же голосом из разряда «да вот просто решил провести с тобой день, дружище». Его рука протянулась над плечом Тэда и указала на люстру, которую Тэд сделал сам. Она, конечно, была электрической, но выглядела старинной: два фонаря «летучая мышь», закрепленных на деревянном штыре. Выключатель располагался на стене.

Я не хочу это видеть!

Он пытался сказать это твердо и с уверенностью в себе, но его уже начало понимать. Он услышал, как подрагивает его голос, а это значило, что он готов разрыдаться. Да и то, что он говорил, уже не имело значения, потому что он потянулся к круглому выключателю на стене. Когда он прикоснулся к нему, между его пальцами проскочила синяя электрическая искра, не причинившая боли и скорее напоминавшая желе, чем свет. Круглая, цвета слоновой кости кнопка выключателя почернела, сорвалась со своего места и просвистела через всю комнату, словно крошечная летающая тарелка. Она пробила маленькое окошко в противоположной стене и исчезла, растворившись в дневном свете, который теперь приобрел жутко-зеленый оттенок окислившейся меди.

Лампы-фонари вспыхнули неестественно ярко, а деревянный штыр начал вращаться, закручивая цепь, на которой висела вся конструкция. Тени плясали на стенах, словно в какой-то сумасшедшей карусели. Один за другим лопнули оба плафона, обрушив на Тэда дождь стеклянных осколков.

Не раздумывая, он рванулся вперед и схватил свою бездыханную жену, чтобы вытащить ее из-под люстры, пока цепь не оборвалась и тяжелая деревяшка не грохнулась прямо на Лиз.

Этот порыв был настолько силен, что заглушил все остальное, включая и его уверенность в том, что это уже ни к чему, потому что она мертва. Старк мог бы выкорчевать и обрушить на нее Эмпайр-стейт-билдинг, и это было бы уже не важно. Во всяком случае, для нее. Теперь уже нет.

Когда он просунул руки ей под мышки и сцепил пальцы в замок над ее лопатками, ее тело подалось вперед, а голова откинулась назад. Кожа у нее на лице пошла трещинами, как на поверхности старинной китайской вазы. Ее пустые, остекленевшие глаза вдруг взорвались. Омерзительное, тошнотворно теплое зеленое желе брызнуло ему прямо в лицо. Ее рот открылся, зубы вылетели белым градом. Он почувствовал, как эти маленькие, гладкие, твердые градины бьют его по щекам и по лбу. Сквозь изрытые ямками десны наружу рвались сгустки крови. Язык вывалился из рта и упал ей на колени, как окровавленный кусок змеи.

Тэд закричал – слава Богу, во сне, а не наяву, иначе он перепугал бы Лиз до полусмерти.

Я еще не закончил с тобой, тихо проговорил Джордж Старк у него за спиной. Он уже больше не улыбался. Голос его был холодным, как озеро Касл в ноябре. *И хорошенько запомни. Даже не думай тягаться со мной. Потому что против меня...*

3

Тэд резко дернулся и проснулся; лицо было мокрым, подушка, которую он судорожно прижимал к лицу, – тоже. Это мог быть просто пот, но могли быть и слезы.

– ...против меня ты слабак, – прошептал он в подушку, завершив фразу из сна. Потом потянул колени к груди и еще долго лежал, содрогаясь.

– Тэд? – еле ворочая языком, пробормотала Лиз откуда-то из глубин своих собственных сновидений. – Близнецы спят?

– Спят, – выдавил он. – Я... нет, ничего. Спи.

– Да, все... – Она сказала что-то еще, но Тэд не расслышал, как не расслышал слова Старка, которые тот произнес после того, как сказал, что его дом в Касл-Роке – это Эндсвиль... место, где заканчиваются все рельсы.

Тэд лежал на влажной от пота простыне, все так же судорожно сжимая подушку. Но постепенно его руки расслабились. Он отпустил подушку, растер лицо ладонью и стал ждать, когда сон отступит и уймется дрожь. Очень медленно, но он все-таки успокоился. Хорошо еще, что удалось не разбудить Лиз.

Он бездумно смотрел в темноту, не пытаясь понять смысл сна, а лишь желая, чтобы сон *ушел*, и по прошествии долгого – бесконечного – времени в соседней комнате проснулась Уэнди и начала громко плакать, чтобы ей сменили подгузник. Уильям, конечно, заплакал секундой позже, решив, что ему тоже нужно переодеться (хотя когда Тэд снял с него подгузник, тот оказался вполне сухим).

Лиз мгновенно проснулась и в полусне побрела в детскую. Тэд пошел с ней, не такой сонный и в кои-то веки благодарный за то, что близнецы потребовали внимания посреди ночи. Посреди *этой* ночи по крайней мере. Он переодевал Уильяма, а Лиз – Уэнди. Они почти не разговаривали, а когда снова легли в постель, Тэд с радостью ощутил, как его клонит в сон. Он думал, что этой ночью уже не заснет. А когда он проснулся и у него перед глазами еще живо стояла картина, как Лиз разрывает на части, он испугался, что уже *никогда* не заснет.

Утром все забудется, как всегда забываются сны.

Это была его последняя мысль, перед тем как заснуть, но когда Тэд проснулся наутро, он помнил сон во всех подробностях (хотя из всех деталей только потерянное, одинокое эхо его шагов по голому полу полностью сохранило свою эмоциональную окраску), и даже со временем сон не растаял, как это обычно бывает со снами.

Это был один из тех редких снов, которые запоминаются, как будто все происходящее было наяву. Ключ, бывший ключом от пишущей машинки, ладонь без линий, сухой, почти механический голос Джорджа Старка, говоривший из-за плеча, что Старк с ним еще не закончил и ему даже думать не стоит о том, чтобы тягаться с этим психованным сукиным сыном, против которого Тэд слабак.

Глава 3

Кладбищенский блюз

1

Главным в городской бригаде озеленителей был Стивен Хольт, и, конечно же, все в Касл-Роке называли его Могильщиком. Так называли любого общественного садовника и землекопа в тысячах маленьких городков Новой Англии. Как и большинство из них, Хольт отвечал за немалую долю работ, особенно если принять во внимание численность его бригады. В городе было два бейсбольных стадиона Малой лиги, которые требовали ухода, один – у железнодорожной эстакады между Касл-Роком и Харлоу, второй – в Касл-Вью; был огромный общественный луг, который весной надлежало засеивать, летом – косить, а осенью – очищать от опавших листьев (не говоря уж о деревьях, которые надо было подрезать, а иногда и срубить, равно как и об обслуживании летней эстрады и скамеек вокруг нее); имелось и два городских парка, один – на берегу Касл-Стрим неподалеку от старой лесопилки, второй – у Касл-Фоллз, где с давних времен было зачато столько «плодов любви», что им давно потеряли счет.

Будь у него только эта работа, он бы жил в свое удовольствие и оставался бы стариной Стивеном Хольтом до конца своих дней. Но в Касл-Роке было еще три кладбища, за содержание и обслуживание которых тоже отвечала его бригада. Причем дело не ограничивалось погребением клиентов. Бригада Хольта сажала растения, ровняла землю, меняла дерн. Убирала мусор. После каждого праздника надо было избавляться от засохших цветов и поблекших флажков – больше всего мусора оставалось после Дня поминовения, но и День независимости, День матери и День отца тоже были достаточно хлопотными. А еще периодически приходилось счищать непочтительные надписи, которыми малолетние хулиганы украшали надгробия.

Конечно, для города это вообще ничего не значило. Парни вроде Хольта получают подобные прозвища именно из-за своих похоронных обязанностей. Мать назвала его Стивеном, но для всех он был Могильщиком Хольтом – с тех самых пор, как взялся за это дело в 1964 году, – и останется Могильщиком Хольтом до конца своих дней, даже если вдруг сменит работу, на что он уже вряд ли решится в шестьдесят один год.

В семь утра в среду, в погожий и ясный первый день лета, Могильщик подъехал к железным воротам Старого городского кладбища. На воротах висел замок, но его использовали по назначению лишь дважды в году – в ночь школьного выпускного и на Хэллоуин. Могильщик вышел открыть ворота, потом сел обратно в пикап, въехал на территорию кладбища и медленно покати по главной аллее.

На это утро была назначена предварительная инспекция. В машине лежал планшет с чистым листом. На нем Могильщик собирался отметить те кладбищенские участки, которые надо будет привести в порядок до Дня отца. Закончив на Старом городском, он поедет на кладбище Благодати Господней на другом конце города, а оттуда – на Стэкпоулский погост на пересечении Стэкпоул-роуд и городского шоссе номер 3. А после обеда они с ребятами примутся за дело – там, где в этом есть необходимость. Работы будет не много; все основное они уже сделали в конце апреля, во время «большой весенней уборки», как называл это Могильщик.

В те две недели они с Дейвом Филлипсом и Дейком Бредфордом, начальником Управления общественных работ, вкалывали как проклятые по десять часов в день, как это бывало каждую весну: вычищали засоренные дренажные трубы, заново клали дерн в тех местах, где внешние воды размывали почву, выравнивали надгробные плиты и памятники, покосившиеся из-за сдвигов грунта. Весной всегда образуется куча дел, больших и помельче, и Могильщик приходил домой смертельно уставшим. Сил хватало только на то, чтобы приготовить себе нехит-

рый ужин и выпить баночку пива перед тем, как рухнуть в постель. Большая весенняя уборка всегда заканчивалась в один и тот же день: когда Могильщик решал, что постоянная боль в спине все же сведет его с ума.

Июньская чистка была не такой напряженной, но не менее важной. В конце июня в город толпами хлынут отдыхающие, а вместе с ними и прежние жители (и их дети), которые уехали в места более теплые или хлебные, но сохранили недвижимость в городе. Вот от них-то, по скромному мнению Могильщика, и происходил весь геморрой. Кто еще будет биться в истерике, если на водяном колесе на старой лесопилльне вдруг отвалится одна лопасть или обрушится могильный камень дядюшки Реджинальда?

Ладно, подумал он. *Скоро зима*. Этой мыслью он утешал себя в любое время года, включая и самое начало лета, когда зима казалась далекой, как сон.

Старое кладбище – самое большое и самое красивое в городе. Его центральную аллею, почти такую же широкую, как обычная улица, пересекали четыре аллеи поуже. Между ними раскинулись аккуратно подстриженные лужайки. Могильщик проехал мимо первой боковой дорожки, мимо второй, добрался до третьей... и ударил по тормозам.

– Вот дерьмо на лопате! – воскликнул он, заглушая мотор и выбираясь наружу. Прошел по дорожке к развороченной яме в траве, примерно в пятидесяти футах от перекрестка. Бурые комья земли валялись вокруг ямы, как шрапнель вокруг воронки от взрыва. – Опять эти чертовы дети!

Он встал над ямой, уперев большие мозолистые руки в бедра под вылинявшими зелеными рабочими штанами. Раскурочено было изрядно. Чаще всего ему с товарищами приходилось убирать за детишками, которым вдруг взбрело в голову ночью разрыть могилу на кладбище – то ли от балды, то ли спьяну. Обычно это была демонстрация смелости, вроде как посвящение, или обычная дурь подростков, ошалевших от лунного света и решивших немножечко порезвиться. Насколько Могильщику Хольту было известно, никто из них ни разу не выкопал гроб или, упаси Боже, кого-то из платных клиентов – как бы ни нажирались эти мелкие засранцы, их обычно хватало на яму глубиной фута два-три, после чего им надоедала эта игра, и они убирались восвояси. И хотя рытье ям на любом из местных костескладов категорически не приветствовалось (если, конечно, ты не был кем-то вроде Могильщика, а именно человеком, уполномоченным предавать клиентов земле и получавшим за это деньги), порчи от этого было немного. Обычно.

Но этот случай обычным не был.

У ямы не наблюдалось привычных очертаний; просто яма, и все. И уж никак не *могила*. Могила должна быть аккуратной, с четкими прямыми углами. Яма была глубже тех, на какие обычно хватало пьянчуг и подростков, и глубина казалась неравномерной; ее стенки сходились в подобие конуса, и когда Могильщик понял, *на что* это похоже, у него по спине пробежал холодок.

Как будто кого-то похоронили здесь заживо, а потом этот кто-то пришел в себя и выкопался из земли голыми руками.

– Ты это брось, – пробормотал он. – Хреновы шуточки. *Детишки*, мать их.

Ну а кто же еще? В яме не было гроба, и свороченной надгробной плиты рядом не наблюдалось. Что совершенно логично, потому что здесь не было захоронено ничье *тело*. Ему не требовалось идти в контору, где на стене висела подробная карта кладбища, чтобы в этом убедиться. Этот шестиместный участок принадлежал главе городского управления Дэнфурту Китону по прозвищу Бастер. И заняты здесь были всего два места, где лежали отец и дядя Бастера. Вот они, справа. Надгробия стоят прямо, никто их не трогал.

Была и другая причина, по которой Могильщик так хорошо помнил этот участок. Именно здесь те нью-йоркцы установили фальшивое надгробие, когда делали свой репортаж о Тэде Бомонте. Бомонту с женой в городе принадлежал летний дом. На озере Касл. За домом сле-

дил Дейв Филлипс, а сам Могильщик помогал Дейву загудронировать подъездную дорожку – прошлой осенью, когда еще не начался листопад и дел было немного. А потом, этой весной, Бомонт, явно смущаясь, спросил у него, можно ли будет поставить на кладбище фальшивое надгробие, чтобы какой-то фотограф смог сделать «трюковой кадр», как он это назвал.

– Если нельзя, вы так и скажите, – совсем уже засмущавшись, проговорил Бомонт. – Ничего страшного на самом деле.

– Да ставьте, раз надо, – благодушно ответил Могильщик. – Журнал «Пипл», вы говорите?

Тэд кивнул.

– Вот это да! Здорово, правда? О ком-то из нашего города напишут в «Пипл»! Надо будет потом раздобыть номер!

– А я вот не знаю, надо оно или нет, – сказал Бомонт. – Спасибо, мистер Холт.

Могильщику нравился Бомонт, хоть тот и был писателем. Сам Могильщик с трудом одолел восемь классов – причем восьмой со второй попытки, – и далеко не все в городе называли его «мистером».

– Да уж, эти журналюги... Дай им волю, они бы, наверное, сняли вас голышом да еще с причиндалом, заправленным в задницу датского дога, верно?

Бомонт рассмеялся, что с ним случалось нечасто.

– Да, им бы такое понравилось, – сказал он и похлопал Могильщика по плечу.

Фотографом оказалась девица из тех, кого Могильщик называл «отборнейшими городскими сучками». Городом в данном случае был, конечно, Нью-Йорк. Ходила она так, как будто ей в интересное место вогнали веретено и еще одно – в задницу, причем оба непрерывно вертелись. Она взяла микроавтобус в прокате в портлендском аэропорту и набила его под завязку всевозможным фотооборудованием, так что было вообще непонятно, как там еще помещаются она сама и ее ассистент. Если бы в микроавтобусе вдруг не хватило места и надо было бы выбирать, от чего избавляться – от ассистента или от части аппаратуры, – Могильщик даже не сомневался, что одному сладкому педикю из Большого Яблока пришлось бы ловить попутку от аэропорта.

У Бомонтов, приехавших следом за микроавтобусом на своей машине, был такой вид, словно все происходящее их смущает, но в то же время и веселит. А поскольку они находились в обществе отборнейшей городской сучки вроде бы по доброй воле, Могильщик решил, что веселье все-таки перевешивает смущение. Но чтобы уж точно в этом убедиться, он подошел к Бомонту и спросил, не обращая внимания на презрительный взгляд городской сучки:

– Все в порядке, мистер Би?

– Господи, нет. Но мы как-нибудь справимся, – сказал тот и подмигнул Могильщику. Могильщик подмигнул в ответ.

Убедившись, что Бомонты твердо намерены довести начатое до конца, Могильщик отошел в сторонку и стал наблюдать – как любой человек, он никогда не отказывался от бесплатного цирка. Фотограф притащила с собой еще и фальшивый надгробный камень, старомодный, с закругленным верхом. Он был больше похож на рисунки из комиксов Чарлза Аддамса, чем на настоящие надгробные камни, которые сам Могильщик устанавливал здесь недавно. Фотограф суежилась вокруг него, заставляя своего ассистента переставлять камень с места на место. Один раз Могильщик подошел и спросил, не надо ли подсобить, но девица лишь рявкнула: «Нет, спасибо», – в своей чванливой нью-йоркской манере, так что Могильщик отошел и больше уже не совался.

Наконец она добилась, чего хотела, и велела ассистенту заняться светом. На установку прожекторов ушло еще около получаса. Все это время мистер Бомонт просто стоял и смотрел, периодически поднося руку к лицу и потирая маленький белый шрам на лбу. Его глаза завораживали Могильщика.

А ведь он делает свои собственные фотографии, подумал Могильщик. И его снимки наверняка будут получше, чем у нее. И уж явно останутся на подольше, загрузятся в память. Он отложит ее про запас, а потом пропишет в какой-нибудь книге, а она даже ни сном ни духом.

Наконец фотограф объявила, что можно снимать. Она заставляла Бомонтов вновь и вновь пожимать друг другу руки над этим камнем, как будто нельзя было шелкнуть их с первого раза, тем более что в тот день было чертовски промозгло. Она орала на них точно так же, как на своего писклявого кривляку-ассистента – таким пронзительным нью-йоркским голосом, – и заставляла позировать снова и снова, потому что или свет не тот, или их лица не те, или в ее чертовой заднице что-то не то. А Могильщик все ждал, когда же мистер Бомонт – судя по слухам, не самый долготерпеливый товарищ на свете – взорвется и скажет ей пару ласковых. Но мистер Бомонт – и его жена тоже – скорее забавлялись, чем злились, и оба безропотно выполняли все приказы отборнейшей городской сучки, хотя погода в тот день была пакостной. Сам Могильщик на *его* месте взбесился бы очень скоро. Секунд этак через пятнадцать.

И эта чертова яма была прямо здесь, на том месте, где они установили тот фальшивый надгробный камень. Да что уж там, если нужны дополнительные доказательства, вот они – круглые ямки в земле, оставленные высокими каблуками отборнейшей городской сучки. Да, она точно была из Нью-Йорка; только нью-йоркская дамочка напялит туфли на шпильках, когда еще не подсохла весенняя грязь, и станет разгуливать в них по кладбищу, делая снимки. Если только это не...

Мысли резко оборвались, и по спине Могильщика вновь пробежал неприятный холодок. Когда он разглядывал исчезающие следы от шпилек, его взгляд наткнулся на *другие* следы, посвежее.

2

Следы? Это следы?

Да нет, откуда здесь взяться следам? Просто придурок, который выкопал эту яму, разбросал часть земли чуть подальше. Вот и все.

Но это было не все, и Могильщик Холт *знал*, что не все. Еще до того, как он подошел к первому комку грунта на зеленой траве, он увидел глубокий отпечаток ботинка в куче земли, ближайшей к яме.

Да, следы. Ну и что? А ты думал, что тот, кто тут рылся, парил в воздухе с лопатой в руках, как Каспер – доброе привидение?

На свете есть много людей, у которых хорошо получается врать себе, но Могильщик Холт был не из их числа. И этот нервный, насмешливый голос у него в голове не отменял того, что видели его глаза. Он был заядлым охотником, а прочесть эти следы не составляло труда. Как бы ему самому ни хотелось обратного.

Здесь, на ближайшей к яме куче земли, был не только след от ботинка, но и круглое углубление размером почти с обеденную тарелку, чуть левее отпечатка подошвы. А с обеих сторон от следа и углубления, но ближе к краю, виднелись бороздки в земле – явные следы пальцев. Пальцев, которые слегка соскользнули, прежде чем ухватиться как следует.

Чуть дальше от первого следа виднелся второй. А за вторым, на траве – фрагмент третьего, который образовался, когда земля отвалилась целым куском от ступившего туда ботинка. Хотя она и отвалилась, но была еще достаточно влажной, чтобы сохранить отпечаток... как и те три-четыре куска земли, которые Могильщик приметил с самого начала. Если бы он не приехал сюда так рано, когда трава была еще влажной, солнце успело бы высушить землю, и эти вывороченные комья рассыпались бы на мелкие, ничего не значащие кусочки.

Он очень жалел, что не пришел *позже*, что не поехал сначала на кладбище Благодати Господней, как, собственно, и собирался, когда выходил из дома.

Но он приехал сюда, и что уж теперь говорить.

Фрагменты следов сходили на нет футах в десяти от
(могилы)

ямы в земле. Холт подозревал, что следы наверняка сохранились и дальше в сырой траве, и, наверное, нужно будет сходить проверить, хотя проверять не хотелось. Но пока что он перевел взгляд на самые четкие отпечатки – на небольшой кучке земли рядом с ямой.

Бороздки, оставленные соскользнувшими пальцами; круглое углубление чуть впереди; след башмака рядом с ним. О чем это говорит?

Ответ пришел в голову сразу, как секретное слово на старом шоу Граучо Маркса «Ставка – ваша жизнь». Он увидел все ясно и живо, как будто сам при этом присутствовал, и именно поэтому ему так отчаянно не хотелось ввязываться в это дело. Дело-то было скверное.

Потому что смотрите: в свежерытой яме стоит мужик.

Да, но как он там оказался?

Да, но кто выкопал эту яму: он сам или кто-то другой?

Да, но почему эти маленькие корешки все перекручены, измочалены и разорваны, как будто землю разгребали голыми руками, а не рассекали лопатой, чисто и аккуратно?

Ладно, не берем в голову все эти «но». Возможно, лучше о них забыть. Даже думать забыть. Вернемся к нашему мужику. Он стоит в яме, слишком глубокой, чтобы просто оттуда выпрыгнуть. И что он делает? Кладет руки на край и *подтягивается* вверх. Ничего сложного. То есть если ты взрослый мужик, а не мальчишка. Могильщик взглянул на ближайшие к нему следы и подумал: *Если это мальчишка, то нога у него будь здоров. Размер двенадцатый, если не больше.*

Руки на край. Подтягиваешься вверх. Руки скользят по влажной земле, и ты вцепляешься пальцами, оставляя вот эти короткие бороздки. Выбравшись наполовину, опираешься для равновесия на одно колено – вот она, круглая ямка. Ставишь другую ногу рядом с коленом, переносишь вес на нее, встаешь и уходишь. Плевое дело.

То есть какой-то мужик выкопался из могилы и усвистел по своим делам, так получается? Может, он там внизу малость проголодался и решил заглянуть в «Завтрак у Нэн», взять себе чизбургер и пиво?

– Какая, к чертям собачьим, могила? Обычная, на хрен, яма в земле! – сказал он вслух и испуганно вздрогнул, когда рядом сердито чирикнул воробей.

Да, просто яма в земле – он сам так сказал. Но тогда почему он не видит никаких следов от лопаты? Да и вообще никаких отметин, которые обязательно должны быть при любых земляных работах. Почему здесь только одна цепочка следов, уходящая прочь от ямы? Почему нет следов вокруг ямы, ведь если мужик здесь копал, он должен был время от времени наступать на вынутую из ямы землю, как это всегда и бывает, когда человек роет яму?

Ему вдруг пришло в голову, что надо бы поразмыслить, как теперь поступить. Провалиться ему, если он знал. По идее здесь вроде как совершено преступление, но можно ли предъявлять обвинения в ограблении могилы, если на разрытом участке не было никакого тела? В худшем случае это можно назвать вандализмом, а если тут было что-то еще, Могильщик Холт не стремился это выяснять.

Может быть, лучше всего завалить эту яму вырытой из нее же землей, принести новой, если не хватит, и благополучно о ней забыть?

В конце концов, сказал он себе в третий раз, *здесь никто и не был похоронен.*

Перед его мысленным взором тут же возник тот дождливый весенний день. Ох ты, черт! Тот фальшивый надгробный камень выглядел в точности как настоящий! Когда ты своими глазами видишь, как этот хлипкий педиковатый ассистент таскает его на себе, тебе, конечно,

понятно, что камень поддельный. Но когда они установили его, положили эти искусственные цветы и все прочее, можно было подумать, что он настоящий, и под ним кто-то и вправду...

Волоски у него на руках встали дыбом.

– Ты давай прекращай это дело, – приказал он себе, а когда рядом снова сердито чирикнул воробей, Могильщик искренне обрадовался этому пусть и не очень приятному для слуха, но донельзя обычному и настоящему звуку. – Давай, мать, голоси, – сказал он и подошел к последнему фрагменту следа.

За ним, как он и подозревал, виднелись и другие следы на примятой траве. На большом расстоянии друг от друга. Глядя на них, Могильщик мог бы сказать, что мужик не бежал, но и времени не терял. Шагов через сорок он увидел еще одну метку, оставленную на пути того парня: перевернутую корзину с цветами, валявшуюся чуть поодаль цепочки следов. Похоже, раньше она стояла на дороге того мужика, и он запросто мог бы ее обойти, но вместо этого отшвырнул пинком и продолжил свой путь.

По мнению Могильщика Хольта, с людьми, которые так поступают, лучше не связываться, если только на это нет чертовски веских причин.

Мужик шел через кладбище по диагонали, видимо, направляясь к низкой стене, отделявшей кладбищенскую территорию от шоссе. Шел как человек, которому есть куда пойти и чем заняться.

Хотя воображение у него было развито не сильнее, чем способность к самообману (эти два свойства обычно идут рука об руку), на миг Могильщику показалось, что он прямо *видит* этого человека: здоровенный, крепкий мужик с великанским размером ноги шагает сквозь это тихое предместье мертвых в кромешной тьме, ступает уверенно и твердо, пинает корзину с цветами, подвернувшуюся под ноги, не остановившись даже на полсекунды. Он не боялся – уж *он*-то точно. Если здесь по ночам и бродили ожившие мертвецы, как утверждали некоторые горожане, то это *они* боялись *его*. И храни Боже любого, кто перешел бы ему дорогу.

Птица снова чирикнула.

Могильщик вздрогнул.

– Забудь об этом, дружище, – еще раз сказал он себе. – Закопай эту треклятую яму и забудь о ней думать.

Яму-то он закопал и честно пытался о ней забыть, но уже ближе к вечеру, когда Могильщик осматривал Стэкпоулское кладбище, его разыскал Дейк Бредфорд и сообщил ему новость о Гомере Гамише, которого утром нашли меньше чем в миле от Старого городского кладбища, на шоссе номер 35. Весь город полнился домыслами и слухами.

И тогда, пусть и с большой неохотой, Могильщик Хольт пошел поговорить с шерифом Пэнгборном. Он не знал, связаны ли следы и яма с убийством Гомера Гамиша, но подумал, что лучше все рассказать, а дальше пусть разбираются те, кому платят за это деньги.

Глава 4

Смерть в маленьком городке

1

Касл-Рок был невезучим городом – по крайней мере в последние годы.

Словно чтобы доказать, что старая поговорка о молнии, не бьющей дважды в одно и то же место, не всегда права, за последние восемь-десять лет в Касл-Роке случилось немало скверных событий – настолько скверных, что о них сообщали даже в общенациональных новостях. В то время городским шерифом был Джордж Баннерман, но Большому Джорджу, как его с уважением называли, не пришлось разбираться с делом Гомера Гамиша, потому что Большого Джорджа уже не было в живых. Он пережил первую беду, серию изнасилований с удушением, совершенных одним из его собственных подчиненных, но два года спустя его убила бешеная собака на городском шоссе номер 3. Причем не просто убила, а в прямом смысле слова разорвала в клочья. Оба случая были в высшей мере странными, но мир сам по себе – странное место. И жестокое. И иногда – невезучее.

Новый шериф (Алан Пэнгборн занимал этот пост восемь лет, но уже стало понятно, что он так и останется «новым шерифом» года этак до 2000-го – при условии, как он всегда говорил жене, что не умрет раньше и что его будут переизбирать так долго) был не из местных: до 1980-го он возглавлял отдел дорожной полиции в маленьком, но активно растущем городке в северной части штата Нью-Йорк неподалеку от Сиракуз.

И вот теперь, глядя на избитое в кровавое месиво тело Гомера Гамиша, лежащее в придорожной канаве у шоссе номер 35, он очень жалел, что не остался работать на прежнем месте. Похоже, не все невезение Касл-Рока отошло в лучший мир вместе с Большим Джорджем Баннерманом.

Ой, да ладно... ни о чем ты не жалеешь. И не говори, что жалеешь, а то и вправду накликаешь неудачу. Это, черт возьми, самое лучшее место для Энни и мальчиков. И для тебя, кстати, тоже. Так что давай-ка не будем страдать этим самым.

Хороший совет. Пэнгборн давно понял, что голова *всегда* дает нервам дельный совет, которому они не могут последовать. Они отвечают: «Да, сэр. Вы все так хорошо объяснили. Очень правильно вы говорите». И все равно продолжают дрожать и звенеть.

И все-таки это его работа. Он еще и не такое видал, разве нет? За свою бытность шерифом он соскоблил с асфальта останки почти сорока человек, разогнал бессчетное количество драк, разобрал сотню случаев издевательств над супругами и детьми – и это лишь те, о которых заявляли в полицию. Но все в мире стремится к равновесию: для города, где не так давно орудовал свой собственный маньяк, с убийствами в Касл-Роке обстояло на удивление тихо. Всего четыре, и только один из преступников сбежал – Джо Родуэй, который прикончил жену, вышибив ей мозги. Будучи немного знакомым с дамой, Пэнгборн почти огорчился, когда получил телекс из полицейского управления в Кингстоне, Род-Айленд, с сообщением, что Родуэй сидит у них в камере.

Еще одно из четырех – даже и не убийство, а гибель в автоаварии, а два оставшихся – банальные бытовые убийства, одно с применением ножа, другое – голыми руками. Причем второе можно было квалифицировать как насилие в семье, зашедшее слишком далеко, но с одной необычной деталью, отличавшей его от множества ему подобных: жена забила мужа до смерти, пока он валялся пьяный. Одно-единственное апокалипсическое выступление в отместку за почти два десятка лет издевательств. Последний набор синяков на теле женщины еще отличал яркой, здоровой желтизной, когда ей зачитывали приговор. Пэнгборн нисколько не огор-

чился, когда судья отпустил ее с миром после шестимесячного пребывания в женской исправительной тюрьме, а оставшиеся шесть лет дал условно. Возможно, судья Пендер поступил так лишь потому, что было бы неуместно выдать подсудимой то, что она действительно заслужила, а именно – медаль.

Пэнгборн давно убедился, что реальные убийства в маленьких городках обычно совсем не похожи на убийства в маленьких городках из романов Агаты Кристи, когда семеро человек по очереди пыряют ножом старого ловеласа полковника Стоппинга-Желвака в его загородном доме в Запруде-на-Ряске во время свирепой зимней бури. В реальной жизни, когда прибываешь на место, почти всегда застаешь там преступника, который тупо таращится на лужи крови и пытается сообразить, какого хрена он тут натворил и как могло получиться, что все так стремительно вышло из-под контроля. Даже если преступник сбегал, обычно он не уходил далеко, и всегда находилась пара-тройка свидетелей, которые могли точно сказать, что именно произошло, кто это сделал и куда он ушел. Ответ на последний вопрос в большинстве случаев – в ближайший бар. В реальной жизни убийства в маленьком городке, как правило, очень простые, жестокие и идиотские.

Как правило.

Но правила для того и существуют, чтобы их нарушать. Иногда молния все-таки *ударяет* дважды в одно и то же место, и время от времени в маленьких городках случаются убийства, которые не раскроешь прямо на месте. Убийства вроде такого.

Только этого Пэнгборну и не хватало.

2

Констебль Норрис Риджуик вышел из патрульной машины, припаркованной сразу за машиной Пэнгборна. Сигналы вызовов двух полицейских раций раздавались в теплом весеннем воздухе.

– Рэй уже едет? – спросил Пэнгборн. Рэй был Рэем Ван Алленом, окружным судмедэкспертом и коронером.

– Ага.

– А что супруга Гомера? Ей уже сообщили?

Пэнгборн говорил, отгоняя мух от лица Гомера. Собственно, от лица-то осталось не много. Только острый, торчащий вверх нос. Если бы не протез вместо левой руки и не золотые зубы – когда-то они красовались во рту Гомера, а теперь их обломки усыпали его морщинистую шею и рубашку на груди, – Гомера, наверное, не узнала бы даже родная мать.

Норрис Риджуик, чем-то похожий на Барни Файфа, помощника шерифа из старого сериала «Шоу Энди Гриффита», переминался с ноги на ногу и разглядывал свои ботинки, словно вдруг воспылал к ним интересом.

– Ну... Джон сейчас на дежурстве, а Энди Клаттербак – в Оберне, в окружном суде...

Пэнгборн вздохнул и поднялся на ноги. Гамишу исполнилось – и теперь уже навсегда – шестьдесят семь. Они с женой жили в маленьком чистом домике рядом со старым железнодорожным депо меньше чем в двух милях отсюда. Их дети выросли и разъехались кто куда. Это миссис Гамиш позвонила сегодня утром в контору шерифа и, чуть не плача, сказала, что проснулась в семь и обнаружила, что Гомер – который иногда спал в одной из старых детских, потому что она, миссис Гамиш, храпит – вообще не ночевал дома. Вечером, в семь часов, он, как обычно, уехал играть в боулинг и должен был вернуться к полуночи, самое позднее – к половине первого, но все постели оказались пустыми, а его пикапа нет ни в палисаднике, ни в гараже.

Шейла Бригем, диспетчер дневной смены, сообщила о поступившем звонке шерифу Пэнгборну, и тот перезвонил миссис Гамиш из телефона-автомата на автозаправке «Сонни Джэкеттс Суноко», где в тот момент заправлялся.

Она рассказала все, что ему надо было знать о машине – «шевроле»-пикап, 1971 года выпуска, белый, с пятнами темно-бордовой грунтовки в проржавевших местах, с ружейной стойкой в кабине, номерной знак штата Мэн 96529Q. Пэнгборн передал информацию по рации всем патрульным (только троим, потому что Клат выступал свидетелем на суде в Оберне) и сказал миссис Гамиш, что перезвонит сразу, как только появятся какие-то новости. Он не особенно волновался. Гамиш любил накатить пивка, особенно по вечерам, когда играл с приятелями в боулинг, но идиотом он не был. Если старик выпил больше, чем того требует безопасность за рулем, он скорее всего заночевал на диване в гостиной у кого-то из своих партнеров по боулингу.

Но оставался один вопрос. Если Гомер решил заночевать у кого-то из своих товарищей, почему он не позвонил жене и не предупредил? Он же знал, что она будет переживать. Хотя было поздно, возможно, он думал, что она уже спит, и не хотел ее беспокоить. Это один вариант. А вот второй, еще лучше: Гамиш *звонил* жене, но та крепко спала и, возможно, храпела, как трактор. А дверь в комнату с телефоном была плотно закрыта.

Пэнгборн попрощался с расстроенной миссис Гамиш, повесил трубку и подумал, что ее муженек объявится самое позднее к одиннадцати утра, поджав хвост и страдая похмельем. Эллен, конечно, скажет ему пару ласковых. А Пэнгборн мысленно похвалит Гомера за то, что старику хватило ума не садиться за руль и не ехать тридцать миль между Саут-Пэрисом и Касл-Роком в пьяном виде.

По прошествии часа после звонка Эллен Гамиш ему вдруг пришло в голову, что, анализируя ситуацию, он упустил нечто важное. Если Гамиш остался на ночь у кого-нибудь из приятелей, такое явно случилось впервые. Иначе его жена сама бы об этом подумала и уж точно бы подождала какое-то время, прежде чем звонить шерифу. А потом Алана осенило, что Гомер Гамиш несколько староват, чтобы менять привычки. Если он заночевал у приятеля вчера ночью, он *должен был* делать так раньше. Но если судить по звонку жены, такого за ним не водилось. А если он раньше спокойно садился за руль пьяным и ехал домой, то что мешало ему поступить так и вчера... Однако что-то же помешало.

Значит, старый пес все-таки выучился новому трюку, подумал Пэнгборн. *Такое случается. Или он просто напился сильнее обычного. Черт, он мог выпить не больше, чем всегда, а развезло его хлеще. Говорят, так бывает.*

Он попытался забыть о Гомере Гамише хотя бы на время. Ему надо было разобрать кучу бумаг, а он сидел, катая по столу карандаш и размышляя о старом хрыче, который сейчас обретается черт знает где на своем пикапе, об этом старом грибе с ежиком редких седых волос и протезом вместо руки, которую он потерял в местечке под названием Пусан в необъявленной войне, случившейся в те времена, когда большинство нынешних ветеранов Вьетнама еще пачкали свои пеленки... все эти мысли уж никак не помогали разбираться с бумагами. И уж точно не помогали искать Гамиша.

Но когда он уже направлялся в каморку Шейлы Бригем, чтобы попросить ее вызвать Норриса Риджуика и узнать, не выяснил ли что-нибудь *Норрис*, тот позвонил сам. То, что доложил Норрис, превратило крошечный ручеек беспокойства в мощный холодный поток, который обрушился на Алана и заставил оцепенеть.

Он всегда потешался над теми, кто звонит на радио в прямом эфире и рассуждает о телепатии и предвидении. Потешался, как человек, для которого интуиция и предчувствия давно стали частью работы – настолько, что он даже и не замечает, когда ими пользуется. Но если бы *в эту минуту* Алана спросили, какие у него есть мысли насчет Гомера Гамиша, он

ответил бы так: *Когда позвонил Норрис... ну, вот тогда у меня появилась уверенность, что старик либо серьезно травмирован, либо мертв. Причем скорее второе.*

3

Норрис по случаю остановился у фермы Арсено на шоссе номер 35, примерно в миле к югу от Старого городского кладбища. Он даже не думал о Гомере Гамише, хотя от фермы Арсено до дома Гамишей было меньше трех миль, и если Гомер вчера возвращался домой из Саут-Пэриса наиболее разумным маршрутом, он должен был проезжать мимо фермы. Норрис даже не сомневался, что никто из Арсено не видел Гомера вчерашним вечером, потому что если бы они его видели, то уже минут через десять он бы вернулся домой целым и невредимым.

Норрис остановился у фермы Арсено лишь потому, что они держали лучший на все три городка придорожный продуктовый лоток. Норрис был из тех холостяков, которые любят готовить, и имел неодолимое пристрастие к свежему сахарному гороху. Вот он и остановился, чтобы узнать, когда тот появится в продаже. И уже потом, исключительно для проформы, решил спросить Долли Арсено, не видела ли она случайно пикап мистера Гамиша прошлой ночью.

– А знаете, – сказала миссис Арсено, – это забавно, что вы о нем упомянули, потому что я его *видела*. Поздно ночью... нет, если подумать, наверное, все-таки рано утром. Шоу Джонни Карсона еще шло, но уже близилось к завершению. Я как раз собиралась взять еще порцию мороженого, посмотреть шоу Дэвида Леттермана, ну, хотя бы начало, и лечь спать. В последнее время я плохо сплю, а тот человек на другой стороне дороги действовал мне на нервы.

– Какой человек, миссис Арсено? – тут же насторожился Норрис.

– Не знаю... просто какой-то человек. Но мне не понравился его вид. Было темно, я его и не видела толком, а мне все равно не понравился его вид, как вам такое? Звучит глупо, я знаю, но эта психиатрическая лечебница... Джунипер-Хилл... она совсем рядом, а когда видишь одинокого мужчину на загородном шоссе почти в час ночи, тут поневоле занервничаешь, даже если он в *костюме*.

– В каком костюме... – начал Норрис, но это было бесполезно. Миссис Арсено, истинная деревенская сплетница, раз открыв рот, уже не могла остановиться и обрушила на Норриса Риджуика нескончаемый поток слов. Он решил переждать это бедствие, а все ценное выудить по ходу дела. Он достал из кармана блокнот.

– В каком-то смысле, – продолжала она, – из-за этого костюма я *еще больше* разнервничалась. Это как-то *неправильно*, чтобы человек был в костюме в такое время, если вы понимаете, что я имею в виду. Наверное, не понимаете. Возможно, вы думаете, что я просто глупая старуха, и, наверное, *так и есть*, я и вправду глупая старуха, но за пару минут до того, как подъехал Гомер, мне показалось, что тот человек собирается подойти к дому, я даже встала проверить, заперта ли дверь. Он смотрел в эту сторону, понимаете, я видела, как он смотрел. Наверное, потому, что свет в окне еще горел, хотя было поздно. Может быть, он и *меня* тоже видел, занавески-то прямо прозрачные. Я не разглядела его лицо... луны ночью не было, и я давно *не верю*, что нам здесь поставят фонари, не говоря уж о кабельном телевидении, как у них в городе... но я видела, как он повернул голову. А потом начал переходить дорогу... то есть мне так *показалось*, что он переходит дорогу или думает перейти, если вы понимаете, что я имею в виду... и я подумала, он сейчас подойдет, постучит в дверь и скажет, что у него машина сломалась, и спросит, можно ли от нас позвонить, и я думала, что мне делать, если он *постучится*, и стоит ли вообще отвечать. Да, наверное, я глупая старуха, потому что мне сразу вспомнилась та серия из «Альфред Хичкок представляет», где был один псих, который умел зачаровывать птичек, чтобы те слетались к нему с деревьев, и рубил людей топором, а

куски складывал в багажник своей машины, а поймали его лишь потому, что у него не работал задний подфарник или что-то такое... но с другой стороны...

– Миссис Арсено, можно задать вам вопрос...

– ...мне не хотелось быть кем-то вроде того филистимлянина, или сарацина, или гоморрца, или кто там прошел мимо и не помог человеку, – продолжала миссис Арсено. – Ну, вы помните, в этой притче о добром самаритянине. Так что я малость растерялась. Но сказала себе...

К тому времени Норрис уже забыл о горошке. Ему наконец удалось прервать миссис Арсено, сказав ей, что человек, которого она видела ночью, возможно, имеет какое-то отношение к «ведущемуся расследованию», как он это назвал. Он заставил ее вернуться к началу и рассказать еще раз – очень подробно, – что она видела, по возможности, если не трудно, опустив «Альфред Хичкок представляет» и притчу о добром самаритянине.

Если вкратце, как Норрис изложил это по рации шерифу Алану Пэнгборну, все происходило так: миссис Арсено смотрела «Шоу Джонни Карсона» в одиночестве, муж и сыновья уже спали. Ее кресло стояло у окна, выходящего на шоссе номер 35. Штора была поднята. Примерно в ноль тридцать или ноль сорок миссис Арсено выглянула в окно и увидела мужчину, стоявшего на другой стороне дороги... а именно, на стороне Старого городского кладбища.

Человек шел оттуда или откуда-то еще?

Миссис Арсено не могла сказать наверняка. Ей показалось, что, *возможно*, он шел от кладбища – иными словами, прочь из города, – но она не могла объяснить, почему у нее создалось такое впечатление. Потому что, когда она в первый раз выглянула в окно, там было только пустое шоссе, а перед тем как подняться, чтобы взять мороженое, она снова выглянула в окно, и мужчина уже был там. Он просто стоял и смотрел на освещенное окно – возможно, прямо на нее. Она подумала, что он собирается перейти через дорогу или уже начал переходить (*скорее всего он просто стоял*, подумал Алан, *а все остальное – фантазии нервной женщины*), когда на гребне холма показались огни. Увидев приближавшуюся машину, человек вытянул руку с поднятым большим пальцем, как делают все голосующие на дороге.

– Это была машина Гомера, да. И сам Гомер был за рулем, – сказала миссис Арсено Норрису Риджуику. – Сначала я подумала, что он просто проедет мимо, как сделал бы всякий нормальный человек, если кто-то голосует на пустом шоссе посреди ночи, но он все-таки остановился, и тот человек подбежал к пассажирской двери и сел в машину.

Миссис Арсено, которой было сорок шесть, а с виду – лет на двадцать больше, покачала седой головой.

– Гомер, наверно, был сильно пьян, если решился взять пассажира в такой поздний час, – заключила она. – Тут надо быть или изрядно надравшись, или законченным дураком. А я знаю Гомера почти тридцать пять лет. Он не дурак. – Она секунду помедлила. – Ну... *не совсем*.

Норрис попытался узнать больше подробностей о костюме того мужчины, но безуспешно. Действительно жалко, подумал он, что уличные фонари заканчиваются как раз у ограды городского кладбища, но в маленьких городках типа Касл-Рока всегда туго с деньгами.

Миссис Арсено была уверена: это был именно костюм, а не куртка и не пиджак. И точно не черный – что оставляло широкий диапазон выбора из других цветов. Миссис Арсено могла добавить, что костюм не был белым, но если давать показания под присягой, она готова поклясться, что он был не черным.

– Я не прошу вас давать показания *под присягой*, миссис Арсено, – заверил Норрис.

– Когда беседуешь с представителем закона при исполнении служебных обязанностей, – ответила миссис Арсено, чопорно запустив руки в рукава свитера, – это одно и то же.

Все, что она знала, можно было резюмировать так: она видела, как Гомер Гамиш подобрал пассажира примерно без четверти час ночи. Вы скажете, не тот случай, чтобы звонить в

ФБР. Но все выходит гораздо серьезнее, если добавить, что Гомер подобрал пассажира милях в трех от своего дома... но до дома так и не доехал.

Кстати, насчет костюма миссис Арсено была права. Человек, голосующий на шоссе в нескольких милях от города почти в час ночи, – это само по себе уже странно. В такое время всякий обычный бродяга давно дрыхнет в пустом хлеву или в сарае на чьей-нибудь ферме. Но если добавить еще и то, что человек был в костюме и галстук («Каком-то темном, – сказала миссис Арсено, – только не заставляйте меня говорить под присягой, какого именно цвета, потому что я все равно не смогла бы сказать»), то выходит совсем уж невесело.

– Что мне теперь делать? – спросил Норрис, закончив доклад по рации.

– Оставайся на месте, – ответил Алан. – Поболтай с миссис Арсено о сериях «Альфред Хичкок представляет». Я тоже люблю эту программу.

Но не успел он проехать и полмили, как место встречи с Норрисом пришлось перенести примерно на милю к западу от фермы Арсено. Парнишка по имени Фрэнк Гавино возвращался с рыбалки на речке Стриммер-Брук и увидел чьи-то ноги, торчавшие из зарослей сорняков на южной стороне шоссе номер 35. Он помчался домой и рассказал матери. Она позвонила в контору шерифа. Шейла Бригем передала сообщение Алану Пэнгборну и Норрису Риджуику. Шейла следовала инструкции и не называла по рации никаких имен – слишком много вокруг развелось юных радиолюбителей, пытающихся прослушать полицейские частоты, – но по ее расстроенному голосу Алан догадался, что даже она понимает, чьи это ноги.

Единственное, что случилось хорошего за все утро, так это то, что Норрис успел проблеветаться еще до приезда Алана, и ему хватило ума отбежать на северную сторону дороги, подальше от тела и тех улик, которые там могли быть.

– Что теперь? – спросил Норрис, прерывая ход мыслей шерифа.

Алан тяжело вздохнул и прекратил отгонять мух от останков Гомера. Все равно это было без толку.

– Теперь мне придется поехать к Эллен Гамиш и сообщить, что сегодня утром она стала вдовой. Ты останешься здесь. Попытайся отгонять от трупа мух.

– Э-э... шериф, а зачем? Тут их вон сколько. А он уже...

– Мертв. Да, я вижу. Не знаю зачем. Потому что так будет правильно, я считаю. Мы не можем вернуть ему руку, но мы можем хотя бы не давать мухам срать на то, что осталось от его носа.

– Понял, – смиренно проговорил Норрис. – Я понял, шериф.

– Норрис, как думаешь, у тебя получится называть меня просто Аланом, если ты хорошо постараться? Если потренируешься?

– Да, шериф. Думаю, да.

Алан хмыкнул и обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на участок канавы, который, по всей вероятности, будет огорожен желтыми полицейскими лентами с надписью «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», когда он сюда вернется. Окружной коронер уже будет здесь. И Генри Пейтон из Оксфордской полиции штата. Фотографа и ребят из отдела расследований особо тяжких преступлений при Генеральной прокуратуре, возможно, еще не будет – если только кто-то из них не окажется где-то поблизости на расследовании другого дела, – но и они скоро приедут. К часу дня сюда прибудет и передвижная лаборатория полиции штата при полном комплекте рвущихся в бой криминалистов и судмедэкспертов, вкуче с парнем, чье дело намешивать гипс и снимать отпечатки протекторов, которые Норрису хватило ума или везения не переехать колесами его патрульной машины. (Алан скрепя сердце выбрал везение.)

И все ради чего? Чтобы подтвердить, что подвыпивший старик остановился и по доброте душевной подвез незнакомца (*Давай забирайся, приятель, Алан буквально слышал его голос, мне тут ехать всего пару миль, но хоть немножко тебя подброшу*), а незнакомец ответил тем, что забил старика до смерти и угнал его машину.

Алан предполагал, что мужчина в костюме попросил Гомера остановиться – скорее всего под предлогом, что ему надо отлить, – и как только они остановились, он схватил старика, вытащил из машины и...

И вот тут все стало плохо. Хуже некуда, черт возьми.

Алан в последний раз заглянул в канаву, где Норрис Риджуик сидел на корточках рядом с окровавленным куском мяса, который еще недавно был человеком, и, махая папкой-планшетом, терпеливо отгонял мух от того, что еще недавно было лицом Гомера. Его опять чуть не вывернуло наизнанку.

Это был просто старик, ты, мерзавец... старик, который и так-то одной ногой стоял в могиле, однорукий старик... старик, у которого в жизни осталась всего одна радость, поиграть в боулинг с друзьями. Так чего ж ты не вытащил его из машины за здоровую руку и не оставил его на дороге? Ночь была теплой, но даже если бы стало прохладней, с ним вряд ли бы что-то случилось. Могу поспорить на что угодно, в его крови мы найдем добрую порцию антифриза. Номер машины известен, ее уже объявили в розыск. И зачем было так делать? Надеюсь, у меня будет возможность спросить тебя лично.

Но так ли важны причины? Для Гомера Гамиша – уж точно нет. Уже нет. Для Гомера уже ничего не важно. Потому что, ударив его в первый раз, пассажир вытащил его из машины и поволок по земле в канаву, вероятно, держа под мышки. Алану не нужно было дожидаться ребят из отдела особо тяжких, чтобы распознать следы, оставленные каблуками ботинок Гамиша. По ходу дела пассажир обнаружил увечье Гомера. И уже на дне канавы он вырвал протез, бывший у Гамиша вместо руки, и до смерти забил им старика.

Глава 5

96529Q

– Не торопись! – Патрульный полиции штата Коннектикут Уоррен Гамильтон произнес это вслух, хотя находился в машине один. Дело было вечером 2 июня, примерно через тридцать пять часов после того, как изуродованное тело Гомера Гамиша обнаружили в крошечном городке штата Мэн – в городке, о котором патрульный Гамильтон никогда и не слышал.

Он находился на стоянке возле «Макдоналдса» по адресу Уэстпорт I-95 (южное направление). Он давно взял в привычку заезжать на стоянки у автозаправочных станций и закусокных, когда патрулировал федеральную автостраду; если ночью подкрасться к последнему ряду стоянки и встать, погасив фары, иной раз можно срубить неплохой улов. Да что – неплохой! Даже очень хороший. Когда Гамильтон чуял, что назревает такая возможность, он частенько разговаривал сам с собой. Обычно эти монологи начинались с фразы «Не торопись!» и продвигались к чему-то вроде «Давай-ка разясним этого дятла» или «Спросим у мамочки, верит она или нет». Патрульный Гамильтон всегда спрашивал мамочку, верит она или нет, когда намечалось что-то интересненькое.

– И что у нас тут? – пробормотал он и дал задний ход. Мимо «камаро». Мимо «тойоты», в медно-красноватом свете натриевых ламп похожей на медленно дряхлеющую клячу. И... опля! Старый пикап «Джи-Эм-Си», который при таком освещении казался оранжевым, а значит, на самом деле был белым или светло-серым.

Гамильтон включил фары и осветил номерной знак. Номера, по скромному мнению патрульного Гамильтона, становились все лучше и лучше. Один за другим штаты начали оснащать номерные знаки маленькими картинками. Благодаря этим изображениям различать номера стало значительно легче, и особенно в темное время суток, когда из-за переменных условий освещения реальные цвета превращались черт знает во что. И самым поганым из всех – в смысле, для распознавания – был этот треклятый оранжевый свет ламп повышенной яркости. Гамильтон не знал, выполняли ли эти лампы свое назначение, а именно – предотвращать изнасилования и ограбления, но он ни капельки не сомневался, что из-за этого света у простых копов вроде него самого только добавилось геморроя с поиском угнанных автомобилей и уродов, скрывавшихся от правосудия на машинах без номеров.

Картинки на номерах изрядно облегчали задачу. Статуя Свободы, она и есть статуя Свободы – и в ярком солнечном свете, и в свечении этих оранжевых дур. И каким бы там ни был цвет номера, леди Свобода всегда означала Нью-Йорк.

Точно так же, как этот ублюдочный рак, которого он сейчас высветил фарами, означал штат Мэн. Теперь не нужно напрягать глаза, выискивая «СТРАНУ КАНИКУЛ», и не нужно гадать, а не белый ли на самом деле знак, который кажется розовым, или оранжевым, или цвета электрик. Достаточно просто взглянуть на этого ублюдочного рака. Гамильтон знал, конечно, что это лобстер, однако рак и есть рак, как его ни называй, и он скорее сожрал бы кусок пороссячьего дерьма, чем взял бы в рот хоть кусочек клешнистой гадости, но все-таки был доволен, что их теперь лепят на номера.

Особенно если ты ищешь номер именно с раком, и ищешь именно сегодня.

– Спросим у мамочки, верит она или нет, – пробормотал Гамильтон и зарулил на стоянку. Он отцепил свой планшет от магнита в центре приборной панели, перевернул верхний лист – пустой бланк штрафной квитанции, под которым все копы прячут розыскной список, поскольку широкой общественности вовсе незачем пялиться на номера, к которым полиция проявляет особенный интерес, пока сам владелец этого списка по-быстрому выскочил за гамбургером или заседает в сортире на подвернувшейся по дороге заправочной станции, – и провел большим пальцем по первой колонке.

И да, вот он, родимый. 96529Q, штат Мэн, дом родной для ублюдочных раков.

Проезжая мимо пикапа еще в первый раз, патрульный Гамильтон заметил, что в кабине никого нет. Там была ружейная стойка, но пустая. Возможно – маловероятно, но возможно, – кто-то прятался в грузовом отсеке. Также возможно, что этот кто-то прятался там с винтовкой, снятой со стойки. Но скорее всего водитель либо уже давно сделал ноги, либо пошел взять себе перекусить. И все же...

– Есть копы *старые*, есть *дурные*, но *старых* дурней среди них нет, – сказал патрульный Гамильтон, понизив голос.

Он выключил фары и медленно поехал вдоль ряда машин. Пару раз он притормаживал и включал фары, но даже не смотрел на освещаемые машины. Нельзя исключать, что мистер 96529Q, возвращаясь из ресторанчика и/или сортира, заметил, как Гамильтон рассматривал украденный пикап. И если он увидит, что патрульная машина проехала дальше и проверяет другие автомобили, может, он никуда и не смоеется.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, чтоб потом все не пробздеть, – со смаком проговорил Гамильтон. Это было одно из любимых его высказываний. Не настолько, как «спросим у мамочки», но близко к тому.

Он зарулил на свободное место, откуда было сподручно наблюдать за пикапом, и связался с участком, располагавшимся в четырех милях отсюда. Доложил, что обнаружил пикап «Джи-Эм-Си» из Мэна, объявленный в розыск по делу об убийстве. Он запросил подкрепление, и ему было сказано, что подкрепление прибудет в ближайшее время.

Убедившись, что к пикапу никто не подходит, патрульный Гамильтон решил, что можно попробовать подойти самому, соблюдая, понятное дело, все меры предосторожности. И потом, за кого его примут ребята из подкрепления, если все это время, пока они едут, он будет сидеть как дурак в темноте, за целый ряд до пикапа.

Он выбрался из патрульной машины, расстегнул кобуру, но вытаскивать пушку не стал. За все время службы в полиции Гамильтон вынимал револьвер только дважды и ни разу из него не стрелял. И сейчас ему очень хотелось, чтобы не пришлось делать ни то ни другое. Он приближался к пикапу под таким углом, чтобы видеть и автомобиль – *особенно* грузовой отсек, – и проход от «Макдоналдса». Остановился, когда из ресторанчика вышли мужчина и женщина и направились к своему «форду» в трех рядах ближе к зданию. Когда они сели в машину и поехали к выезду со стоянки, Гамильтон двинулся дальше.

Держа правую руку на рукояти служебного револьвера, левой потянулся к бедру. Пояса полицейского обмундирования, по скромному мнению Гамильтона, *тоже* становились все лучше и лучше. С самого детства и по сей день он был страстным фанатом Бэтмена, или Крестоносца в плаще. Гамильтон даже подозревал, что стал полицейским отчасти из-за Бэтмена (хотя в своем резюме он опустил эту маленькую подробность). Его любимым бэтменовским приспособлением был не шест, не метательные мыши-бэтارانги и даже не бэтмобиль, а пояс с инструментами. Это была совершенно волшебная штука, прямо переносной магазин подарков. Там было всего понемножку на все случаи жизни, будь то веревка, очки ночного видения или пара капсул с нервно-паралитическим газом. Собственный пояс патрульного Гамильтона был, конечно, далеко не так крут, но на левой его стороне имелось три отделения с тремя очень полезными штуками. Первая – работавший на батарейках цилиндр, рекламируемый на рынке под названием «Псина, лежать!». Если нажать красную кнопку, «Псина, лежать!» издавал ультразвуковой свист, от которого даже беснующийся питбуль превращался в разваренную макароны. Вторая – баллончик с «мейсом» (коннектикутская полицейская версия бэтменовского нервно-паралитического газа), и третья – мощный электрический фонарик.

Гамильтон снял с пояса фонарик, включил его и частично прикрыл луч левой рукой. Он проделал все это, ни на миг не убирая правую руку с рукояти револьвера. Есть копы *старые*, есть *смелые*, но *старых* смельчаков среди них нет.

Он провел лучом по кузовному отсеку пикапа. Там валялся кусок брезента, ничего больше. В кузове было пусто, как и в кабине.

Все это время Гамильтон держался на благоразумном расстоянии от «Джи-Эм-Си» с раком на номере. Привычка настолько укоренилась в его голове, что он делал так не задумываясь. Он наклонился и посветил *под* пикап, последнее место, где, возможно, прятался кто-то, способный причинить ему вред. Вряд ли, конечно, но ему не хотелось, чтобы, когда он откинет копыта, священник начал надгробную речь словами: «Дорогие друзья, сегодня мы провожаем в последний путь патрульного Уоррена Гамильтона, героически погибшего при исполнении служебных обязанностей». Это будет совсем уж паршиво.

Он быстро провел лучом под пикапом слева направо, но не увидел ничего, кроме ржавого глушителя, который грозил отвалиться в самом ближайшем будущем – впрочем, если судить по тому, сколько в нем было дырок, водитель вряд ли заметит разницу.

– Думаю, крошка, мы здесь одни, – сказал патрульный Гамильтон. Он огляделся по сторонам, обращая особое внимание на проход от ресторана. Поскольку поблизости не наблюдалось никого, кто наблюдал бы за *ним*, Гамильтон подошел к окну с пассажирской стороны кабины и посветил фонариком внутрь.

– Ох, ни хрена себе, – пробормотал он. – Спросим у мамочки, верит она или нет. – Он вдруг безумно обрадовался оранжевым фонарям, освещавшим стоянку и внутренности кабины, потому что в их свете то, что должно было быть темно-бордовым, казалось почти черным. Как будто это не кровь, а чернила. – И он *вот так* ехал? Господи Боже, всю дорогу от Мэна он в этом *ехал*? Спросим у мамочки...

Он наклонил фонарик вниз. Сиденье и пол напоминали свинарник. Он увидел банки из-под пива и безалкогольных напитков, пустые или почти пустые пакеты из-под чипсов и хрустящих шкварок, коробки из-под бигмаков и вопперов. Комок чего-то похожего на старую жвачку был расплюснут на приборной доске над тем местом, где когда-то стояло радио. Пепельницу переполняли окурки сигарет без фильтра.

Но больше всего было крови.

Потеки и пятна крови на сиденьях. Кровь, втертая в руль. Корка засохшей крови на кнопке сигнала, почти полностью скрывшая вытисненный на ней фирменный знак «Шевроле». Кровь на дверной ручке с водительской стороны, пятно крови на зеркале заднего вида – это пятно было круглым, даже, скорее, овальным. Гамильтон подумал, что мистер 96529Q, похоже, оставил почти идеальный отпечаток пальца кровью собственной жертвы, когда подправлял зеркало. На одной из коробок из-под бигмака тоже запеклась кровь. И вроде бы к ней прилипли волосы.

– И что он сказал девочке на въезде? – пробормотал Гамильтон. – Слегка порезался, когда брился?

За спиной что-то шаркнуло. Гамильтон развернулся, уже понимая, что не успеет, что, несмотря на все обычные предосторожности, он все-таки оказался из тех смельчаков, которые не доживают до старости, потому что здесь был не обычный случай, нет, *сэр*. Парень подобрался к нему со спины, и уже очень скоро – вот прямо сейчас – в кабине пикапа «шевроле» будет еще больше крови, *его собственной* крови, потому что парень, который проехал на передвижной скотобойне от Мэна почти до границы штата Нью-Йорк, явно законченный психопат, которому прикончить патрульного полицейского – плюнуть и растереть.

Гамильтон вытащил револьвер, в третий раз за все время службы, взвел курок и чуть было не выстрелил (дважды, трижды) в пустоту и темноту; он был взвинчен до предела. Но там не было никого.

Он медленно опустил револьвер. Кровь стучала в висках.

Легкий ветерок всколыхнул ночь. Снова раздался тот шаркающий звук. Гамильтон увидел, что это пустая коробка от филе-о-фиш – из этого самого «Макдоналдса», никаких сомне-

ний, потрясаяще, Холмс, элементарно, Ватсон, – шуршит по асфальту, подгоняемая ветерком. Она проехала пять-шесть футов и остановилась.

Гамильтон с шумом выдохнул и осторожно опустил курок.

– Чуть было не облажались, Холмс, – сказал он дрожащим голосом. – Еще чуть-чуть, и пришлось бы отчитываться в применении оружия.

Он уже собирался убрать револьвер в кобуру – теперь, когда стало ясно, что стрелять не в кого, разве что в пустую коробку от рыбного сэндвича, – но решил все-таки поддержать его до прибытия подкрепления. С револьвером в руке как-то спокойнее. Потому что дело не только в кровище и не в том, что мужик, которого копы из Мэна объявили в розыск по делу об убийстве, совершенно спокойно проехал четыреста миль посреди этого «мяса». Вокруг пикапа изрядно воняло. Примерно так, как воняет в том месте на сельской дороге, где машина сбила и переехала скунса. Гамильтон не знал, почувствуют ли этот запах ребята из подкрепления или он предназначался лишь для него одного. Не знал и знать не хотел. Это был скверный запах. Не крови, не протухшей еды, не невымытого тела. Это был запах чего-то *плохого*. Очень и очень плохого. Настолько плохого, что Гамильтон не хотел убирать пистолет в кобуру, пусть даже был почти уверен, что обладатель этого запаха давно сделал ноги, может быть, несколько часов назад – он не слышал никакого потрескивания, характерного для еще теплого двигателя. Но это было не важно. Это никак не меняло того, что он знал: на короткое время этот пикап стал берлогой какого-то страшного зверя, и Гамильтон не хотел рисковать. Если зверь вдруг вернется, патрульный Уоррен Гамильтон будет к этому готов. Мамочка может не сомневаться. Он так и стоял с револьвером в руке и с волосами, шевелящимися на затылке, и прошла, как ему показалось, целая вечность, пока наконец не подъехало подкрепление.

Глава 6

Смерть в большом городе

Доуди Эберхарт была злая как черт, а когда Доуди Эберхарт злилась, это означало, что в столице появилась одна бабенка, с которой никто не захочет связываться. Она поднималась по лестнице многоквартирного дома на Эл-стрит с невозмутимостью (и примерно такой же массой) носорога, бредущего по травянистой равнине. При каждом вдохе ее синее платье растягивалось на груди, слишком большой, чтобы назвать ее просто пышной. Мясистые руки раскачивались, как маятники.

Давным-давно, много лет назад, эта женщина была одной из самых шикарных во всем Вашингтоне девочек по вызову. В те времена ее рост – шесть футов три дюйма, – равно как и эффектная внешность делали ее не простой шлюхой; на нее был такой спрос, что ночь с ней считалась почти такой же почетной, как трофей на охоте, и если внимательно рассмотреть фотографии вашингтонских элитных тусовок и официальных приемов времен второй администрации Джонсона и первой администрации Никсона, на многих из них можно заметить Доуди Эберхарт, обычно под руку с человеком, чье имя часто упоминалось в серьезных политических статьях и эссе. Ее было трудно не заметить, хотя бы из-за роста.

Доуди была шлюхой с сердцем банковского кассира и душонкой жадного таракана. Двое из ее регулярных клиентов, один – сенатор от демократов, второй – республиканец, член палаты представителей и далеко не последний из них, обеспечили ей безбедное существование, так что она смогла отойти от дел. Они сделали это не совсем добровольно. Доуди понимала, что риск подцепить какую-нибудь заразу отнюдь не снижался (высокопоставленные правительственные чиновники точно так же подвержены СПИДу и прочим не столь серьезным, но все равно неприятным венерическим «радостям», как и простые граждане). Годы тоже не убывали. И ей не очень-то верилось в клятвенные заверения обоих джентльменов, что они непременно оставят ей что-нибудь по завещанию. Прошу прощения, сказала она им обоим, но я больше не верю в Зубную фею и Санта-Клауса. Малышке Доуди надо крутиться самой.

На вырученные деньги малышка Доуди приобрела три многоквартирных дома. Шли годы. Сто семьдесят фунтов роскошного тела, при виде которого сильные мужики падали на колени (обычно прямо перед ней, когда она раздевалась догола), теперь превратились во все двести восемьдесят. Вложения, вполне окупавшиеся в середине семидесятых, накрылись тем самым местом в восьмидесятые, когда богатели все те, кто вложил деньги в рынок ценных бумаг. В шорт-листе ее клиентов значились два первоклассных брокера – вплоть до конца активной фазы ее карьеры; и Доуди частенько жалела о том, что не держалась за них, когда «вышла на пенсию».

Один дом она потеряла в 1984-м; второй – в 1986-м, после налоговой проверки, обернувшейся катастрофой. За этот дом на Эл-стрит она держалась с решимостью человека, который отчаянно проигрывает в «Монополию», но верит, что ему еще выпадет шанс отыгаться. Но шанс так и не выпал и вряд ли выпадет в ближайшие пару лет... или позже. Когда это случится, Доуди быстренько соберет чемоданы и улетит на Арубу. Ну а пока что домовладелице, в прошлом – самой востребованной из столичных проституток, следует стойко держаться.

Чем она и занималась всю жизнь.

И намерена заниматься впредь.

И храни Боже любого, кто ей помешает.

Например, Фредерика Клоусона, или просто Прыща.

Она поднялась на площадку второго этажа. В квартире Шульманов гремела музыка. «Ганз энд Роузез».

– НУ-КА БЫСТРО ВЫКЛЮЧИЛИ МУЗОН! – заорала она во весь голос... а когда Доуди Эберхарт врубала голос на полную мощность, от ее децибелов трескались оконные стекла, у детей лопались барабанные перепонки, а собаки падали замертво.

Музыку приглушили мгновенно. Доуди прямо чувствовала, как Шульманы испуганно жмутся друг к другу, словно пара дрожащих в грозу щенков, и молятся, чтобы эта Злая Ведьма с Эл-стрит пришла не к ним. Они боялись ее. И правильно делали. Шульман работал юрисконсультom в очень солидной фирме, но ему предстояло нажать себе еще пару язв, прежде чем его влияние укрепится настолько, что он сможет без всяких последствий огрызаться на Доуди. Если он что-то вякнет сейчас, на данном этапе своей молодой жизни, она сожрет его с потрохами, и он это знал, что не могло не радовать.

Когда твой счет в банке стремительно тает, а портфель инвестиций худеет, приходится радоваться хоть чему-то.

Не сбавляя шаг, Доуди повернула за угол и начала подниматься на третий этаж, где в одиноком роскошестве жил Фредерик Клоусон, он же Прыщ. Она шла все с той же неотвратимой неспешностью носорога, бредущего по травянистой равнине: подбородок приподнят, дыхание несколько не сбилось, несмотря на столь мощный вес. Прочная лестница мелко подрагивала.

Доуди уже предвкушала, что сейчас будет.

Клоусон даже не стоял у подножия корпоративно-юридической пирамиды. Он к этой пирамиде вообще еще не приблизился. Как у всех студентов-юристов, которых знала Доуди (исключительно как жильцов; она никогда не трахалась с кем-то из студентов в своей «другой жизни», как она это теперь называла), у него были слишком большие запросы при слишком малой платежеспособности. Все эти студенты-юристы считали себя шибко умными и пытались компостировать ей мозг. С ней этот номер обычно не проходил. Потому что давать им отсрочку по платежам – это почти то же самое, что давать даром. Один раз уступишь, и тебя будут иметь во все дыры.

Образно выражаясь, конечно.

Однако Прыщу Клоусону удалось частично прорвать ее оборону. Четыре раза подряд он задерживал оплату, и Доуди это терпела, потому что он убедил ее в том, что в его случае старая скучная сказочка – это не сказка, а быль (или может стать былью): у него *будут* деньги.

Вряд ли бы у него что-то вышло, если бы он принялся утверждать, что Сидни Шелдон – это на самом деле Роберт Ладлэм, а Виктория Холт – это Розмари Роджерс, потому что Доуди было наплевать на всех этих писателей и на миллиарды их двойников. Она предпочитала криминальные романы, и чем больше в них «мяса», тем лучше. Она вполне допускала, что многим нравится романтическая размазня и шпионская хрень, если список бестселлеров в «Пост» может служить показателем, но сама Доуди читала Элмора Леонарда за много лет до того, как он сам попал в списки бестселлеров, и всерьез увлеклась Джимом Томпсоном, Дэвидом Гудисом, Хорасом Маккоем, Чарлзом Уиллфордом и прочими в том же духе. Если коротко и по сути, Доуди Эберхарт обожала романы, в которых мужики грабили банки, стреляли друг в друга и проявляли любовь к своим женщинам, избивая их до полусмерти.

Джордж Старк был – то есть теперь уже точно *был* – самым лучшим. Она была его преданной и убежденной поклонницей от «Пути Машины» и «Оксфордского блюза» вплоть до «Дороги в Вавилон», похоже, последней из его книг.

Прыщ, проживавший в квартире на третьем, сидел, обложившись конспектами и книгами Старка, когда Доуди пришла к нему в первый раз – напомнить, что надо бы заплатить за квартиру (в тот раз он задержал плату всего на три дня, но им только дай палец – откусят всю руку). Разобравшись со своим вопросом – Клоусон пообещал передать ей чек завтра еще до полудня, – она поинтересовалась, для чего будущему юристу изучать произведения Джорджа Старка? Это теперь обязательно для успешной карьеры в юриспруденции?

– Нет, – ответил Клоусон с лучезарной улыбкой, радостной и откровенно хищной. – Но может поддержать такую карьеру *финансово*.

Именно эта улыбка ее и зацепила, заставила дать ему послабление в сроках оплаты, хотя в любом другом случае она бы сразу взяла должника за горло. Такую улыбку она не раз видела прежде – глядя на себя в зеркало. Тогда она была твердо уверена, что такую улыбку подделать нельзя, и, между прочим, считала так до сих пор. Клоусон *и вправду* нарыл компромат на Тадеуса Бомонта; его ошибка была только в несокрушимой уверенности, что Бомонт поведется на его удочку. Тут Фредерик Клоусон, он же Прыщ, здорово просчитался. И она просчиталась тоже.

Она прочитала один из двух романов Бомонта – «Пурпурный туман» – после того, как Клоусон ей рассказал о своем открытии, и решила, что это на редкость дурацкая книга. Несмотря на все письма и ксерокопии, которые показал Клоусон, ей все равно было трудно, практически невозможно поверить, что два этих автора – один и тот же человек. Разве что... примерно на третьей четверти книги, когда Доуди уже собиралась зашвырнуть эту дерьмовую тягомотину через всю комнату и благополучно о ней забыть, она дочитала до места, где фермер пристреливал лошадь. Коняга сломала две ноги, и ее надо было пристрелить, но весь смак в том, что старому фермеру Джону это *вставляло*. Приставив ствол ружья к голове лошади, он принялся гонять лысого и выстрелил точно в момент оргазма.

Впечатление было такое, что, добравшись до этой сцены, Бомонт отошел выпить чашечку кофе... а весь кусок написал Джордж Старк, этакий литературный Румпельштильцхен. Ну да. Это была единственная иголка в стоге сена.

Но теперь это уже не важно. Каждый в жизни хоть раз, да проколется. Прыщ Клоусон все-таки заморочил ей голову, и хорошо, что *ненадолго*. А теперь все закончилось.

Доуди Эберхарт добралась до площадки третьего этажа. Она заранее сжала руку в кулак, потому что сейчас был тот случай, когда надо не вежливо стучаться, а колотить в дверь со всей силы. Но тут обнаружилось, что колотить не придется. Дверь в квартиру Прыща была приоткрыта.

– Ну что такое! – пробормотала Доуди, кривя губы. У них, конечно, приличный район, не наркоманский, но если есть шанс забраться в квартиру к какому-нибудь идиоту, наркоманы охотно это сделают. Парень оказался еще глупей, чем она думала.

Она легонько постучала в дверь костяшками пальцев, и дверь распахнулась.

– Клоусон! – позвала она голосом, обещающим гибель и вечные муки.

Ответа не последовало. Из коридора Доуди было видно, что в гостиной задернуты шторы и горит верхний свет. Негромко играло радио.

– Клоусон, нам надо поговорить!

Она пошла по короткому коридору... и остановилась.

Одна из диванных подушек валялась на полу.

Вот и все. Ничто не указывало на то, что здесь побывали какие-нибудь неменяемые наркоманы, но ее интуиция, все еще острая, сработала сразу. Она что-то почуяла. Запах был очень слабый, но *был*. Немного похоже на запах еды, которая уже испортилась, но еще не протухла. На самом деле тут было что-то другое, просто Доуди не знала, как еще это определить. Доводилось ли ей чують что-то такое раньше? Кажется, да.

И был еще один запах, хотя она сомневалась, что чуюла его носом. Этот запах она распознала сразу. Будь здесь патрульный Гамильтон из Коннектикута, он бы тоже мгновенно его узнал: запах чего-то плохого. Запах беды.

Она стояла на пороге гостиной, глядя на сброшенную подушку и слушая радио. То, чего не смог сделать подъем на три лестничных пролета, сделала обыкновенная подушка – сердце учащенно забило под необъятной левой грудью, дыхание вырывалось изо рта мелкими судоро-

рожными порциями. Что-то здесь было не так. Очень сильно не так. Вопрос только в том, коснется это ее или нет, если она здесь застрянет.

Здравый смысл подсказывал, что надо бежать. Бежать, пока еще есть возможность. И здравый смысл был силен. Но любопытство велело остаться и посмотреть... и оно оказалось сильнее.

Она осторожно просунула голову в комнату и сначала посмотрела направо, где был фальшивый камин, два окна с видом на Эл-стрит и, в общем-то, ничего интересного. Она посмотрела налево и вдруг застыла. Ее как будто замкнуло в таком положении. Глаза широко раскрылись.

Она стояла так не больше трех секунд, но ей показалось, что больше, гораздо больше. За эти секунды она разглядела все вплоть до мельчайших деталей; ее разум зафиксировал увиденное так же четко и ясно, как чуть позже это заснимет фотограф из оперативно-следственной группы.

Она увидела две бутылки пива «Амстель» на журнальном столике, одну пустую, другую – полупустую, все еще с пеной в горлышке. Она увидела пепельницу с надписью «БОЛЬШОЙ ЧИКАГО» на ободке. Она увидела два окурка сигарет без фильтра, вдавленные в девственно-белую чашу пепельницы, хотя Прыщ не курил – во всяком случае, не табак. Она увидела маленькую пластмассовую коробочку из-под канцелярских кнопок, лежавшую на боку между пепельницей и бутылками. Кнопки, которыми Прыщ прищипливал записи и бумажки к пробковой доске, были рассыпаны по стеклянной поверхности журнального столика. Она увидела, что несколько кнопок упало на журнал «Пипл», раскрытый на той самой статье о Тэде Бомонте/Джордже Старке. Она увидела снимок, на котором мистер и миссис Бомонт пожимали друг другу руки над могилой Старка, правда, он лежал вверх ногами. Фредерик Клоусон уверял, что эту историю никто никогда не напечатает, но его самого она сделает человеком вполне богатым. Однако в этом он сильно ошибся. Похоже, он сильно ошибся во всем.

Она увидела Фредерика Клоусона, сидевшего на стуле, к которому был привязан. И теперь у него даже прыща не осталось. Он сидел голышом, его скомканная одежда валялась под журнальным столиком. В паху Клоусона зияла кровавая дыра. Яйца были на месте, а член ему запихали в рот. Он прекрасно туда поместился, потому что убийца вырезал у Клоусона язык. Сам язык был прищиплен к стене. Кнопку так глубоко вбили в мясо, что был виден лишь полумесяц ярко-желтой головки, похожий на радостную улыбку. Разум Доуди беспощадно зафиксировал и это тоже. Кровь растеклась по обоям дрожащими линиями, и получился рисунок, похожий на веер.

Убийца использовал еще одну кнопку, на этот раз с ярко-зеленой головкой, чтобы приколоть к голой груди экс-прыща вторую страницу статьи из «Пипл». Доуди не видела лица Лиз Бомонт – оно было залито кровью Клоусона, – но зато видела руку, которая протягивала блюдо с шоколадными кексами улыбавшемуся Тэду. Она вспомнила, как Клоусон бесновался по поводу этого снимка. «Это обман! – кричал он. – Она ненавидит готовить. Сама так сказала в интервью после выхода первой книги Бомонта».

Над отрезанным языком на стене было написано пальцем, обмакнутым в кровь:

ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ.

Господи боже, мелькнула мысль глубоко в сознании Доуди. Прямо как в книгах Джорджа Старка... как будто здесь побывал Алексис Машина.

У нее за спиной раздался негромкий глухой хлопок.

Доуди Эберхарт закричала и обернулась. Машина шел на нее со своей страшной бритвой, стальной блеск которой теперь был приглушен пленкой крови Фредерика Клоусона. Вместо лица – искривленная маска из сплошных шрамов. Все, что осталось после того, как Нонни Гриффитс искромсала его в финале «Пути Машины», и...

В коридоре никого не было.

Дверь захлопнулась сама по себе. Иногда так бывает.

А ты уверена? – спросил тоненький голос из глубин сознания... только теперь он звучал ближе и громче и звенел от страха. *Когда ты сюда поднялась, дверь была приоткрыта. Не распахнута настежь, а просто слегка приоткрыта. Но сразу было件нятно, что она не заперта.*

Ее взгляд вернулся к бутылкам на столике. Одна пустая. Вторая полупустая, все еще с пеной в горлышке.

Убийца стоял за дверью, когда Доуди сюда вошла. Если бы она обернулась, она бы точно его увидела... и сейчас тоже была бы мертва.

И пока она тут стояла, зачарованная живописной картиной с останками Фредерика Клоусона, убийца спокойно вышел, закрыв за собой дверь.

Ноги вдруг стали ватными, и она опустилась на колени с каким-то странным изяществом, словно девочка, готовая принять причастие. В голове вертелась как белка в колесе всего одна исступленная мысль: *Зачем я кричала, теперь он вернется, зачем я кричала, теперь он вернется, зачем я кричала...*

А потом она слышала его шаги, ритмичный топот огромных ног по ковру на лестничной площадке. Позже ей пришлось в голову, что придурки Шульманы снова врубили музыку на полную катушку и она приняла грохот басов за шаги, но в ту минуту она была убеждена, что это Алексис Машина... и он возвращается... человек, настолько помешанный на убийстве, что даже смерть его не остановит.

В первый раз в жизни Доуди Эберхарт упала в обморок.

Она пришла в себя меньше чем через три минуты. Ноги по-прежнему не держали, так что до входной двери она доползла. Доуди подумывала о том, чтобы открыть дверь и выглянуть на площадку, но не смогла заставить себя это сделать. Вместо этого она заперла дверь на замок, подняла блокиратор и повернула ручку щеколды. Потом села на пол и привалилась спиной к двери, хватая ртом воздух. Мир вокруг превратился в серую кляксу. Она смутно осознавала, что заперлась наедине с изуродованным трупом, но это было не самое страшное. Это было и вовсе не страшно, если задуматься о других вариантах.

Мало-помалу силы вернулись, и Доуди все же сумела подняться на ноги. Она добралась до конца коридора и прошла в кухню, где был телефон. Она старательно отводила взгляд от того, что осталось от Прыща Клоусона, но толку от этого было мало; чудовищная картина еще долго будет стоять у нее перед глазами как наяву.

Она позвонила в полицию, и когда копы прибыли, никого не впускала до тех пор, пока под дверь не просунули одно из служебных удостоверений.

– Как зовут вашу жену? – спросила она полицейского, на чьей карточке значилось имя Чарлз Ф. Туми-младший. Спросила дрожащим и тонким голосом, совсем не похожим на ее обычный голос. Сейчас его не узнали бы даже близкие друзья (если бы они у нее были).

– Стефани, мэм, – терпеливо ответили из-за двери.

– Я ведь могу позвонить к вам в участок и проверить! – Ее голос едва не сорвался на визг.

– Разумеется, можете, миссис Эберхарт, – отозвались из-за двери, – но вам не кажется, что вы быстрее почувствуете себя в безопасности, если впустите нас сразу?

И поскольку Доуди еще не научилась определять *Голос копа* так же легко, как и *Запах беды*, она отперла дверь и впустила Туми с его напарником. Едва они переступили порог, с Доуди вновь приключилось такое, чего с ней не бывало ни разу в жизни: она впала в истерику.

Глава 7

По долгу службы

1

Когда приехала полиция, Тэд работал наверху, в своем кабинете.

Лиз читала в гостиной, а Уильям и Уэнди возились в огромном манеже. Лиз подошла к двери, но не стала открывать сразу, а сначала выглянула через одно из узких узорчатых окошек, расположенных по обеим сторонам двери. Она завела эту привычку после «дебюта», как Тэд называл это в шутку, в журнале «Пипл». После той публикации к ним стали частенько захаживать гости – в основном шапочные знакомые, но также и любопытствующие горожане, и даже несколько приезжих (видимо, пылких поклонников Старка). Тэд называл это синдромом «поглядеть на живых крокодилов» и говорил, что через недельку-другую ажиотаж стихнет. Лиз очень надеялась, что так и будет. А пока что она беспокоилась, как бы кто-нибудь из посетителей не оказался бесноватым охотником на крокодилов вроде того, кто застрелил Джона Леннона, и прежде чем открывать дверь, всегда выглядывала в окошко. Она не знала, сможет ли распознать психа с первого взгляда, но хотя бы могла сделать так, чтобы никто не отвлекал Тэда в течение двух часов каждое утро, когда он работал. После этого он встречал посетителей сам, обычно бросая на Лиз взгляд провинившегося мальчишки, и она совершенно не знала, как на него реагировать.

Трое мужчин, стоявших на крыльце в то субботнее утро, явно не относились ни к рьяным поклонникам Бомонта или Старка, ни к сумасшедшим маньякам... если только маньяки не взяли моду разъезжать на полицейских машинах. Лиз открыла дверь, чувствуя смутное беспокойство, которое одолевает даже самых добропорядочных граждан, когда к ним без вызова заявляется полиция. Наверное, если бы у Лиз были дети, достаточно взрослые, чтобы шататься по улицам в это дождливое субботнее утро, сейчас она бы уже начала беспокоиться, все ли с ними в порядке.

– Да?

– Миссис Элизабет Бомонт? – спросил один из полицейских.

– Да, это я. Чем могу вам помочь?

– Ваш супруг дома, миссис Бомонт? – спросил второй полицейский. Эти двое были в одинаковых серых дождевиках и фуражках с эмблемой полиции штата.

Нет, это призрак Эрнеста Хемингуэя стучит по клавишам там наверху, чуть не вырвалось у нее, но, конечно, она сдержалась. Сначала был только испуг, не случилось ли с кем-то беды, потом – фантомное чувство вины, из-за чего сразу возникло желание сказать что-нибудь резкое или язвительное. И не важно, что именно и какими словами, смысл этих слов будет один: Уходите. Вас сюда не звали. Мы ничего не сделали. Лучшие идите к тем, кто действительно что-то сделал.

– А зачем он вам, позвольте спросить?

Третьим полицейским был Алан Пэнгборн.

– По долгу службы, миссис Бомонт, – ответил он. – Можно с ним поговорить?

2

Тэд Бомонт не вел регулярных дневниковых записей, но иногда делал заметки о каких-то событиях в жизни, которые его заинтересовали, позабавили или напугали. Для этого у него была специальная тетрадка в переплете, к которой его жена не проявляла особенного интереса.

На самом деле от большинства записей в этой тетрадке Лиз пробирала дрожь, хотя она никогда не говорила об этом мужу. Они были пугающе отстраненными, словно это писал не сам Тэд, а его второе я, что держалось поодаль и составляло отчет о его жизни с позиции стороннего и почти безразличного наблюдателя. Однако длинная запись, сделанная после визита полиции утром четвертого июня, несла в себе необычайно мощный эмоциональный заряд.

Теперь я чуть лучше понимаю «Процесс» Кафки и «1984» Оруэлла [писал Тэд]. Нельзя читать эти книги исключительно как политические романы. Это будет большой ошибкой. Я всегда думал, что моя затяжная депрессия, когда я закончил «Танцоров» и вдруг обнаружил, что за ними меня ничего не ждет – ну, кроме выкидыша у Лиз, – была самым болезненным и эмоционально тяжелым переживанием в нашем браке, но то, что случилось сегодня, кажется еще хуже. Я уговариваю себя, что причина лишь в свежести впечатлений, но, сдается мне, дело не только в этом. Я говорю себе: если те, прежние раны – моя черная полоса и потеря первых близнецов – уже затянулись, так что остались лишь шрамы, значит, и эта новая рана затянется... но почему-то не верю, что время залечит ее до конца. От нее тоже останется шрам. Он будет короче, но глубже – как выцветающая отметина от нежданного удара ножом.

Я уверен, что полицейские действовали строго в рамках закона, согласно присяге (если они еще принимают присягу; хотя, думается, принимают). И все-таки у меня было – и не прошло до сих пор – ощущение, что мне угрожает опасность быть затянутым в безликую бюрократическую машину, и она, эта машина... не люди, а механизм... будет крутиться без устали, выполняя свою работу, пока не перемелет меня окончательно. Потому что работа машин – перемалывать людей в фарш. И мои крики никак не ускорят и не замедлят процесс перемола.

Лиз заметно нервничала, когда поднялась ко мне в кабинет и сказала, что пришли полицейские. Они хотят меня видеть, но не говорят зачем. Она сказала, что среди них был Алан Пэнгборн, шериф округа Касл. Кажется, я его пару раз видел, но запомнил его лицо только по фотографиям, время от времени появлявшимся в «Вестнике Касл-Рока».

Мне стало любопытно. Я даже обрадовался, что у меня появился повод оторваться от пишущей машинки, где мои персонажи уже неделю упорно ведут себя совершенно не так, как хочется мне. Если у меня и были какие-то мысли, в чем тут может быть дело, я думал, что это связано с Фредериком Клоусоном или с какими-то нежелательными последствиями той статьи в «Пипл». Так оно и оказалось, хотя не в том смысле, в каком думал я.

Не знаю, удастся ли мне правильно передать настроение этой встречи. Не знаю даже, имеет ли это значение. Просто мне кажется важным попробовать. Они стояли в прихожей, у подножия лестницы, трое крупных мужчин (полицейских не зря называют «быками»), роняющих на ковер капли воды.

– Тадеус Бомонт? – осведомился один из них – это был шериф Пэнгборн, – и вот тогда-то и начало происходить то изменение эмоционального фона, которое я хочу описать (или хотя бы обозначить). Любопытство и радость короткого отдыха от пишущей машинки еще оставались, но теперь к ним прибавилось замешательство. И чуть-чуть беспокойства. Полное имя, но без «мистера». Как будто судья обращается к обвиняемому, готовясь зачитать приговор.

– Да, верно, – ответил я. – А вы – шериф Пэнгборн. Я знаю, потому что у нас есть дом в Касл-Роке. – Я протянул ему руку для рукопожатия. Жест, доведенный до автоматизма у всякого хорошо воспитанного американца.

Он взглянул на мою руку, и у него сделалось такое лицо... как будто он открыл холодильник и обнаружил, что рыба, купленная на ужин, протухла.

– Я не пожму вам руку, – сказал он, – так что лучше убрать ее сразу и не ставить нас обоих в неловкое положение.

Странно, что он так сказал. Это была откровенная грубость, но меня больше встревожило, как он это сказал. Как будто подумал, что я рехнулся.

И вот тут я испугался. Даже теперь мне трудно поверить, как быстро, как чудовищно быстро мои чувства промчались от обыкновенного любопытства и маленькой радости вырваться из привычной рутины к неприкрытому страху. В то мгновение я понял, что они пришли вовсе не для того, чтобы просто о чем-то со мной побеседовать. Они были уверены, что я что-то сделал, и в тот первый миг страха – «я не пожму вам руку» – я сам в это поверил.

Вот что мне хочется выразить. В то мгновение мертвой тишины, последовавшей за отказом Пэнгборна пожать мне руку, я и вправду поверил, что виновен во всем... и не могу не признать себя виноватым.

3

Тэд медленно опустил руку. Краем глаза он видел Лиз, сцепившую пальцы в замок так крепко, что побелели костяшки, и ему вдруг захотелось разъяриться на этого копа, которого пригласили в дом – и который отказался пожать хозяину руку. На этого копа, чья зарплата – пусть даже малая ее часть – выплачивается из тех налогов, которые Бомонты платят за дом в Касл-Роке. На этого копа, который напугал Лиз. Который напугал и его самого.

– Ну ладно, – проговорил Тэд ровным голосом. – Если вы не хотите пожать мне руку, тогда, может быть, скажете, зачем вы здесь?

В отличие от полицейских штата Алан Пэнгборн был не в плаще, а в короткой непромокаемой куртке. Он запустил руку в задний карман, достал какую-то карточку и принялся читать по ней вслух. Тэд даже не сразу сообразил, что ему зачитывают «предупреждение Миранды».

– Как вы правильно сказали, мистер Бомонт, меня зовут Алан Пэнгборн. Я шериф округа Касл, штат Мэн. Я здесь затем, что мне надлежит допросить вас по делу, связанному с особо тяжким преступлением. Допрос пройдет в отделении полиции штата в Ороно. Вы имеете право хранить молчание...

– Господи Боже, пожалуйста... что происходит? – спросила Лиз, а потом Тэд услышал свой собственный голос, наложившийся поверх голоса шерифа:

– Черт, погодите минутку. Одну минуту. – Он хотел *прореветь* эти слова, но хотя его мозг и дал легким команду врубить голос на полную мощность, всегда убивавшую все разговорчики в аудитории, на деле он выдал лишь слабое возражение, которое Пэнгборн даже и не заметил.

– ...и ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством.

Он убрал карточку в задний карман.

– Тэд? – Лиз прижалась к нему, как испугавшийся грома ребенок. Она смотрела на Пэнгборна огромными растерянными глазами. Иногда быстро бросала взгляд на патрульных – таких здоровенных, что им бы только играть в защите за профессиональный футбольный клуб, – но главным образом смотрела именно на Пэнгборна.

– Я никуда не поеду. – Голос Тэда дрожал – то басил, то давал петуха, как у подростка. Он все еще пытался разозлиться. – И вы не сможете меня заставить.

Один из патрульных прочистил горло.

– В таком случае, – сказал он, – мы вернемся с ордером на ваш арест, мистер Бомонт. В нашем распоряжении достаточно информации, чтобы получить его без проволочек.

Патрульный взглянул на Пэнгборна.

– Справедливости ради стоит добавить, что шериф Пэнгборн хотел взять ордер сразу. Очень на этом настаивал и, наверное, добился бы своего, не будь вы... в каком-то смысле заметной фигурой.

Пэнгборн явно был недоволен, возможно, собственно фактом, возможно, тем, что патрульный информирует Тэда о данном факте, а скорее всего – и тем и другим.

Патрульный это заметил, пошаркал мокрыми туфлями, словно смутившись, но все равно продолжал:

– С учетом сложившейся ситуации, от того, что вы это узнали, вреда не будет, я думаю. – Он вопросительно посмотрел на своего напарника, и тот кивнул. Пэнгборн просто стоял с отвращением на лице. С отвращением и яростью. *У него такой вид, подумал Тэд, словно, дай ему волю, он вспорол бы мне брюхо ногтями и намотал бы кишки мне на голову.*

– Звучит очень профессионально. – Тэд с облегчением обнаружил, что ему все-таки удалось хоть немного прийти в себя и его голос уже не дрожит. Он хотел разозлиться, потому что злость укрощает страх, но злости по-прежнему не было. Было лишь замешательство. Как будто его ударили исподтишка и этот удар чуть не сбил его с ног. – Но не учитывает тот факт, что я совершенно не представляю, о *какой* ситуации идет речь.

– Если бы мы допускали такую возможность, нас бы здесь не было, мистер Бомонт, – сказал Пэнгборн. Выражение гадливого отвращения у него на лице наконец дало желаемый результат: Тэд разъярился.

– Мне плевать, что вы там допускали! – взорвался он. – Я сказал, что знаю, кто вы, шериф Пэнгборн. Мы с женой владеем домом в Касл-Роке с тысяча девятьсот семьдесят третьего года – задолго до того, как вы сами хотя бы слышали о существовании этого места. Я не знаю, что вы делаете здесь, за сто шестьдесят с чем-то миль от своего участка, и почему вы смотрите на меня как на пятно птичьего дерьма на новой машине, но могу вам сказать, что никуда не поеду, пока не узнаю, в чем дело. Вы тут грозитесь мне ордером на арест, ну так давайте, берите ордер. Только хочу сразу вас предупредить, в этом случае вы окажетесь по уши в котле с кипящим дерьмом, а подкладывать дрова под котел буду я. Потому что я ничего не сделал. Это черт знает что! Вопиющее безобразие!

Теперь его голос включился на полную мощность, и оба патрульных слегка стушевались. Пэнгборн – нет. Он продолжал смотреть на Тэда все тем же убийственным взглядом.

В соседней комнате заплакал один из близнецов.

– О Господи, – простонала Лиз. – В чем же дело? Скажите!

– Иди к детям, солнце, – сказал Тэд, по-прежнему глядя в глаза Пэнгборну.

– Но...

– Пожалуйста. – В гостиной плакали уже оба близнеца. – Все будет хорошо.

Она взглянула на него, словно спрашивая: «Ты обещаешь?» – и пошла успокаивать малышей.

– Мы хотим допросить вас в связи с убийством Гомера Гамиша, – произнес второй патрульный.

Тэд оторвал взгляд от Пэнгборна и повернулся к патрульному.

– *Кого?*

– Гомера Гамиша, – повторил Пэнгборн. – Вы хотите сказать, мистер Бомонт, что это имя вам ничего не говорит?

– Как же не говорит? – изумленно пробормотал Тэд. – Когда мы в городе, Гомер отвозит наш мусор на свалку. Делает мелкий ремонт по дому. Он потерял руку в Корее. Ему дали Серебряную звезду...

– Бронзовую, – с каменным выражением поправил Пэнгборн.

– Гомера убили? Кто убил?

Патрульные удивленно переглянулись. Изумление трудно подделать. После горя, из всех проявлений человеческих чувств труднее всего убедительно изобразить именно изумление.

Первый патрульный ответил удивительно мягким голосом:

– У нас есть все основания полагать, что *вы*, мистер Бомонт. Поэтому мы сейчас здесь.

4

Тэд уставился на него совершенно пустым взглядом, а потом рассмеялся.

– Господи. Господи Боже. Это какой-то дурдом.

– Вы не хотите взять плащ, мистер Бомонт? – спросил второй патрульный. – На улице сильный дождь.

– Я никуда не пойду, – рассеянно повторил Тэд. Погруженный в свои мысли, он не заметил, каким раздраженным вдруг стало лицо Пэнгборна.

– Боюсь, что пойдете, – сказал Пэнгборн. – Так или иначе.

– Значит, придется «иначе», – пробормотал Тэд, а потом снова включился в происходящее. – Когда это случилось?

– Мистер Бомонт, – Пэнгборн говорил медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, словно общался с четырехлетним ребенком, причем явно не самым смышленным, – мы здесь не для того, чтобы предоставлять информацию *вам*.

Лиз встала в дверном проеме гостиной, держа на руках близнецов. Она была бледной, словно все краски сошли с ее лица. Белый лоб как будто светился.

– Это же бред, – возмутилась она, переводя взгляд с Пэнгборна на патрульных и обратно на Пэнгборна. – Полный бред. Неужели вы сами *не понимаете*?

– Послушайте, – сказал Тэд, подходя к Лиз и обнимая ее за плечи. – Я не убивал Гомера, шериф Пэнгборн, но теперь я понимаю, почему вы такой злой. Давайте поднимемся ко мне в кабинет. Сядем, спокойно поговорим и попробуем разобраться...

– Я хочу, чтобы вы взяли плащ, – перебил его Пэнгборн. Он взглянул на Лиз. – Прошу прощения за мой французский, но с меня уже хватит дерьма на одно дождливое субботнее утро. Вы крепко влипли.

Тэд обратился к старшему из двух патрульных:

– Вы можете как-то образумить этого человека? Объясните ему, что он избежит многих неловкостей и неприятностей, если просто скажет мне, когда был убит Гомер. – Он на секунду задумался и добавил: – И где. Если это произошло в Касл-Роке, а я даже не представляю, зачем бы Гомер вдруг приехал сюда... в общем, в последние два с половиной месяца я вообще не выбирался из Ладлоу, кроме поездок в университет.

Он взглянул на Лиз, и та кивнула.

Патрульный обдумал услышанное и произнес:

– Прошу прощения, мы на минуточку выйдем.

Все трое пошли к выходу, причем патрульные чуть ли не подталкивали Пэнгборна. Когда они вышли наружу и дверь за ними закрылась, Лиз принялась осыпать Тэда сумбурными, сбивчивыми вопросами. Тэд хорошо знал жену и нисколько не сомневался, что ее страх проявился бы злостью – даже яростью – на полицейских, если бы не сообщение о смерти Гомера. При таком положении дел она была на грани слез.

– Все будет хорошо, – сказал он и поцеловал ее в щеку. Секунду подумав, поцеловал и обоих близнецов, которые начали проявлять явное беспокойство. – По-моему, патрульные штата уже понимают, что я говорю правду. А Пэнгборн... ну, он знал Гомера. И ты его знала. Просто он сейчас злой как черт.

И судя по его виду и по его словам, у него есть улики, которые, как ему кажется, неоспоримо указывают на меня в связи с этим убийством, подумал он, но не сказал вслух.

Он подошел к входной двери и выглянул в узкое боковое окошко, как раньше делала Лиз. В другой ситуации то, что он увидел, показалось бы ему забавным. Все трое стояли на крыльце, почти, но не полностью укрытые от дождя, и пытались о чем-то договориться. Тэд слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Он подумал, что они похожи на бейсболистов, совещающихся во время тайм-аута. Полицейские штата уговаривали Пэнгборна, а тот качал головой и отвечал, горячась.

Тэд вернулся в дальний конец коридора.

– Что они делают? – спросила Лиз.

– Не знаю, – ответил Тэд, – но мне кажется, полицейские штата пытаются уговорить Пэнгборна, чтобы он мне сказал, почему так уверен, что это я убил Гомера Гамиша. Ну или хотя бы *что-то* из этого почему.

– Бедный Гомер, – пробормотала она. – Это как дурной сон.

Тэд взял у нее Уильяма и снова сказал, чтобы она не волновалась.

5

Через пару минут полицейские вернулись. Лицо Пэнгборна было мрачнее тучи. Тэд предположил, что двое патрульных все-таки втолковали шерифу то, что он и сам уже знал, но отказывался признать: писатель не дергался и не юлил, то есть не проявлял никаких внешних признаков, обычно ассоциирующихся с виной.

– Хорошо, – сказал Пэнгборн. *Он пытается справиться с неприятно, подумал Тэд, и у него получается. Не то чтобы совсем хорошо, но неплохо. Очень даже неплохо, если учесть, что перед ним – главный подозреваемый в убийстве однорукого старика.* – Эти джентльмены хотели бы, чтобы я задал вам по крайней мере один вопрос, мистер Бомонт, и я задам этот вопрос. Где вы находились и чем занимались с одиннадцати вечера тридцать первого мая до четырех утра первого июня?

Бомонты переглянулись. Тэд буквально физически ощутил, как у него отлегло от сердца. Не то чтобы *совсем* отлегло, но камень, давивший на него всем весом, слегка покачнулся. Как будто державшие его канаты разом оборвались. Теперь нужен только хороший толчок.

– Точно в тот день? – пробормотал он, обращаясь к жене. Ему казалось, что да. Но это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я уверена, да. Тридцать первого, вы говорите? – Лиз повернулась к Пэнгборну, сияя надеждой.

Пэнгборн подозрительно посмотрел на нее.

– Да, мэм. Но, боюсь, одного вашего голословного утверждения будет никак не достаточно...

Лиз не слушала его. Она считала, загибая пальцы, и вдруг просияла.

– Вторник! Тридцать первое – это вторник! – Она обернулась к мужу. – Да, *точно!* Слава Богу!

Пэнгборн озадаченно нахмурился, и вид у него стал еще подозрительнее. Патрульные переглянулись и опять повернулись к Лиз.

– Может быть, вы и нас просветите, миссис Бомонт? – спросил один из них.

– У нас были гости. Во вторник вечером, тридцать первого! – объявила Лиз, бросив на Пэнгборна торжествующий взгляд, исполненный яростной неприязни. – Тут был *полный дом* гостей! Да, Тэд?

– Да, конечно.

– Хорошее алиби в подобных делах уже само по себе дает повод для подозрений, – произнес Пэнгборн, но было заметно, что он слегка выбит из колеи.

– Какой вы тупой и упертый баран! – воскликнула Лиз. Теперь ее щеки горели ярким румянцем. Страх уходил, уступая место ярости. Она повернулась к патрульным. – Если у моего мужа нет алиби на это убийство, которое, как вы говорите, он совершил, вы заберете его в участок! Если алиби есть, *он* заявляет, что это, возможно, и есть подтверждение его вины! Вы что, боитесь немного пошевелить мозгами? Почему вы пришли *сюда*?

– Тише, Лиз, успокойся, – тихо проговорил Тэд. – Если они пришли, значит, на то есть причины. Если бы шериф Пэнгборн действовал только по подозрению, думаю, он пришел бы один.

Пэнгборн мрачно взглянул на него и вздохнул.

– Расскажите нам об этом вечере, мистер Бомонт.

– Это был вечер в честь Тома Кэрролла, – начал Тэд. – Том проработал в университете, на факультете английского языка, девятнадцать лет, а последние пять был заведующим кафедрой. Он вышел на пенсию двадцать седьмого мая, когда официально закончился учебный год. На факультете его все любили, а мы, старая гвардия, называли его Томом Гонзо из-за его страстного увлечения очерками Хантера Томпсона. Вот мы и решили устроить прощальную вечеринку для него и его жены.

– Во сколько закончилась вечеринка?

Тэд расплылся в улыбке.

– Конечно, раньше четырех утра, но все равно очень поздно. Когда собирается большая компания преподавателей при почти бесконечных запасах спиртного, тут все выходные пролетят – не заметишь. Гости начали собираться к восьми, а последними ушли... кто, солнце?

– Роули Делессепс и эта ужасная женщина с исторического факультета, с которой он крутит амуры еще с допотопных времен, – сказала Лиз. – Которая вечно трубит своим громовым голосом: «Зовите меня просто Билли. Меня все так зовут».

– Да. – Тэд опять улыбнулся. – Злая ведьма из Восточной страны.

Взгляд Пэнгборна говорил красноречивее всяких слов: *Все это враки, и мы все это знаем.*

– И в котором часу ушли ваши друзья?

Тэда аж передернуло.

– Друзья? Роули – да. Эта женщина – категорически нет.

– В два часа ночи, – сказала Лиз.

Тэд кивнул.

– Было как минимум два часа ночи, когда мы их выпроводили восвояси. Можно сказать, просто *вынесли* на руках. Как вы, наверное, поняли, скорее в аду выпадет снег, чем я вступлю в фан-клуб Вильгельмины Беркс, но я бы уговорил их остаться на ночь, если бы ему надо было проехать больше трех миль или если было бы еще не так поздно. Но в такой час на дорогах во вторник – прошу прощения, уже в среду – нет ни единой живой души. Разве что только олени проводят рейды по окрестным садам. – Тэд резко умолк. От нахлынувшего чувства облегчения он уже начал нести чушь.

Настала секундная тишина. Патрульные смотрели в пол. У Пэнгборна было такое лицо... Тэд не мог разобрать, что оно выражало, потому что в жизни не видел ничего подобного. Это была не досада, хотя досада там тоже проглядывала.

Что за хрень здесь происходит?

– Да, весьма убедительно, мистер Бомонт, – наконец проговорил Пэнгборн, – но это еще ничего не доказывает. У нас есть только ваши слова и слова вашей жены о том, когда выходили последние гости. Причем время вы называете лишь приблизительно. Если те двое были в изрядном подпитии, когда уходили, вряд ли *они* в состоянии подтвердить ваши слова. Хотя если этот Делессепс и вправду ваш друг, он может сказать... ну, кто знает.

И все равно было заметно, что Алан Пэнгборн сбавлял обороты. Тэд это видел и думал – нет, не думал, а знал, – что патрульные тоже видят. Однако Пэнгборн еще не собирался сдаваться. Страх, который Тэд испытал в самом начале, и заместившая его ярость сменялись теперь живым интересом и любопытством. Тэд еще никогда не видел, чтобы на лице человека боролись на равных замешательство и уверенность в своей правоте. Сам факт вечеринки – а шериф не мог не признать за факт то, что очень легко проверить, – подорвал его уверенность... но все-таки не убедил. И патрульных, как понял Тэд, не убедил тоже. С той лишь разницей, что патрульные не кипели от злости. Они не знали Гомера Гамиша, и у них в этом деле не было личного интереса. Алан Пэнгборн знал, и интерес у него был.

Я тоже знал его, подумал Тэд. Так что, может быть, у меня тоже есть свой интерес. В смысле, помимо того, чтобы спасти свою шкуру.

– Послушайте, – сказал он очень спокойно, глядя прямо в глаза Пэнгборну и стараясь не отвечать неприязнью на неприязнь, – давайте вернемся к реальности, как говорят мои студенты. Вы спросили, сможем ли мы убедительно подтвердить, где мы были...

– Где *вы* были, мистер Бомонт, – поправил Пэнгборн.

– Хорошо, где был *я*. Пять весьма трудных часов. Тех часов, когда большинство людей крепко спят. Благодаря только счастливой случайности мы... *я*, если угодно... могу дать отчет, по крайней мере за три из этих пяти часов. Может быть, Роули и его ведьмоподобная дама ушли в два часа. Может быть, в половину второго или в два пятнадцать. В любом случае было *поздно*. Это они подтвердят, и даже если бы Роули и мог соврать, чтобы сварганить мне алиби, то уж любезная Беркс – никогда в жизни. Думаю, если бы Билли Беркс увидела, как я тону в реке, она бы вылила мне на голову ведро воды.

Лиз потянулась забрать у него Уильяма, который начал беспокойно вертеться, и при этом улыбнулась Тэду какой-то странной улыбкой, больше похожей на гримасу. Сначала Тэд не понял, что значит эта улыбка, но потом до него дошло. Да, конечно. Это выражение, *сварганить алиби*. Так иногда говорил Алексис Машина, главный злодей из романов Джорджа Старка. Это *действительно* было странно; раньше Тэд никогда не употреблял в речи старкизмы. С другой стороны, его никогда еще не обвиняли в убийстве, а убийства – это как раз территория Джорджа Старка.

– Даже если предположить, что мы ошиблись на час и последние гости ушли в час ночи, – продолжал он, – а *потом еще* предположить, что я прыгнул в машину в ту же минуту – в ту же *секунду*, – как они скрылись за поворотом, и погнал как малахольный в Касл-Рок, я прибыл бы на место не раньше половины четвертого или пяти. У нас тут нет скоростных магистралей на запад.

Один из патрульных заговорил:

– И та женщина, миссис Арсено, сказала, что было примерно без четверти час, когда она увидела...

– Сейчас не будем вдаваться в подробности, – быстро перебил его Пэнгборн.

Лиз издала яростный рык, и Уэнди забавно вытаращилась на нее. Уильям, которого Лиз держала на сгибе другой руки, прекратил извиваться, вдруг заинтересовавшись своими собственными шевелящимися пальчиками. Лиз повернулась к мужу:

– В час ночи здесь еще было *полно народу*, Тэд.

Потом она развернулась лицом к Пэнгборну – на этот раз действительно развернулась к нему лицом.

– *Что* с вами, шериф? Почему вы так упорно стремитесь повесить это убийство на моего мужа? Вы дурак? Лентяй? Просто *плохой* человек? С виду вроде бы не похоже, а ведете себя так, что тут поневоле задумаешься. Очень крепко задумаешься. Может быть, это была лотерея? И вы просто вытащили бумажку с его именем из шляпы?

Алан даже слегка попятился, явно удивленный – и смущенный – ее остервенением.

– Миссис Бомонт...

– Боюсь, шериф, у меня есть преимущество, – сказал Тэд. – Вы думаете, это я убил Гомера Гамиша...

– Мистер Бомонт, вам никто не предъявлял обвинение в...

– Нет. Но вы же так думаете, правда?

Щеки Пэнгборна медленно заливались краской, густой и плотной. И это было отнюдь не смущение, подумал Тэд, а досада.

– Да, сэр, – согласился он. – Я так *думаю*. Несмотря на все то, что сейчас говорили вы сами и ваша жена.

Этот ответ удивил Тэда. Что же такого случилось, из-за чего этот человек (который, как верно заметила Лиз, совсем не похож на идиота) преисполнился такой уверенности? Такой, черт возьми, *непробиваемой* уверенности.

Тэд почувствовал, как по спине пробежал холодок... а потом произошло что-то странное. На секунду фантомный звук наполнил его сознание – не голову, а именно *сознание*. Звук вызвал болезненное ощущение *déjà vu*, потому что в последний раз Тэд слышал его почти тридцать лет назад. Это был призрачный щебет сотен, а может, и тысяч маленьких птиц.

Он поднес руку ко лбу, прикоснулся к белому шраму, и тут его снова пробил дрожь, на этот раз еще сильнее, словно по телу прошел электрический ток. *Сваргань мне алиби, Джордж*, подумал он. *Я тут малость влетел, так что сваргань мне алиби.*

– Тэд? С тобой все в порядке? – спросила Лиз.

– Ммм? – Он обернулся к ней.

– Ты побледнел.

– Все нормально, – ответил он и сказал правду. Звук исчез. Если он вообще был.

Тэд повернулся к Пэнгборну.

– Как я уже говорил, шериф, в этом деле у меня есть несомненное преимущество. Вы думаете, я убил Гомера. Однако я знаю, что нет. Если я кого-то и убивал, то лишь в своих книгах.

– Мистер Бомонт...

– Я понимаю ваше негодование. Это был милый старик с совершенно кошмарной женой, своеобразным чувством юмора и всего одной рукой. Я тоже в ярости. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь, но вам придется оставить эти замашки тайной полиции и сказать мне, почему вы пришли сюда – что вообще привело вас ко мне. Я в полной растерянности...

Алан долго смотрел на него, а потом произнес:

– Я нутром чую, что вы говорите правду.

– Слава Богу! – воскликнула Лиз. – Разум к нему вернулся!

– И если окажется, что так и есть, – сказал Алан, глядя только на Тэда, – я лично найду того дятла из БДВС, который накосячил с удостоверением, и спущу с него шкуру.

– Что такое БД... и что там еще? – спросила Лиз.

– База данных вооруженных сил, – пояснил один из патрульных. – В Вашингтоне.

– Раньше у них никогда не случалось таких накладок, – продолжал Алан все тем же тоном. – Говорят, все когда-то случается в первый раз, но... если они ничего *не напутали* и если ваша вечеринка подтвердится, тогда я сам, черт возьми, буду в полной растерянности.

– Можете вы объяснить, о чем речь? – спросил Тэд.

Алан вздохнул.

– Раз мы зашли так далеко, почему бы и нет? Если начистоту, не так уж и важно, в каком часу уходили последние гости. Если вы были здесь в полночь и на то есть свидетели, готовые подтвердить под присягой...

– Человек двадцать пять как минимум, – сказала Лиз.

– ...тогда вы соскочили с этого крючка. Сопоставив свидетельские показания той дамы, о которой упомянул патрульный, и результаты вскрытия, мы можем почти с полной уверенностью утверждать, что Гомер был убит между часом и тремя часами ночи первого июня. Его забили до смерти его же собственным протезом.

– Боже правый, – пробормотала Лиз. – И вы думали, Тэд...

– Пикап Гомера был найден два дня назад на стоянке зоны отдыха на Девяносто пятом шоссе в Коннектикуте, недалеко от границы со штатом Нью-Йорк. – Алан помедлил. – В машине обнаружилось множество отпечатков пальцев, мистер Бомонт. В основном отпечатки Гомера, но были и отпечатки преступника. Причем несколько очень четких. Один – чуть ли не слепок. На куске жевательной резинки, которую парень вытащил изо рта и прилепил к приборному щитку большим пальцем. Там она и затвердела вместе с отпечатком. Но самый лучший из отпечатков остался на зеркале заднего вида. Не хуже тех, что снимают в полицейском участке. Только оставлен он был не чернилами, а кровью.

– Но почему Тэд? – возмутилась Лиз. – Вечеринка – не вечеринка, как вы могли подумать, что Тэд...

Алан посмотрел на нее и сказал:

– Когда ребята из БДВС загрузили эти отпечатки в свой компьютер, тот выдал учетную карточку вашего мужа. Точнее сказать, отпечатки пальцев вашего мужа.

Лиз и Тэд потрясенно уставились друг на друга, на миг лишившись дара речи. Потом Лиз сказала:

– Значит, это была ошибка. Люди, которые все проверяют, наверняка иногда ошибаются.

– Да, но до такой степени – крайне редко. В сфере идентификации по отпечаткам, безусловно, есть белые пятна. Далекие от криминалистики люди, выросшие на сериалах вроде «Коджака» и «Барнаби Джонса», считают дактилоскопию точной наукой, однако это не так. Конечно, сейчас существуют автоматизированные системы для сличения образцов отпечатков, так что белые пятна понемногу заполняются. А в данном случае у нас были почти идеальные отпечатки. Когда я сказал, что это были отпечатки пальцев вашего мужа, миссис Бомонт, я имел в виду именно то, что сказал. Я видел компьютерные изображения и видел сопоставление изображений. Они не просто похожи.

Теперь Алан повернулся обратно к Тэду и пристально посмотрел на него, прищулив голубые глаза.

– Они *полностью* совпадают.

Лиз уставилась на него, открыв рот, а у нее на руках расплакались близнецы, сначала Уильям, потом Уэнди.

Глава 8

Пэнгборн с неофициальным визитом

1

Когда в дверь опять позвонили – в тот же день, в четверть восьмого вечера, – открывать пошла Лиз, потому что она уже подготовила Уильяма ко сну, а Тэд все еще бился с Уэнди. Во всех пособиях по уходу за новорожденными говорится, что родительские умения приобретаются с опытом, независимо от пола родителя, но у Лиз были сомнения на этот счет. Тэд честно выполнял свои обязанности, подходил к этому очень ответственно, но был ужасным *копушей*. Он мог сгонять в магазин и вернуться обратно еще раньше, чем Лиз успевала навести порядок на кухне после воскресного обеда, но когда речь шла о том, чтобы готовить близнецов ко сну...

Уильям, выкупанный, наряженный в чистый подгузник и упакованный в зеленый спальный комбинезон, уже сидел в манеже в гостиной, а Тэд еще возился с подгузником Уэнди (и он не до конца смыл шампунь с ее волос, но поскольку сегодня у мужа был явно не лучший день, Лиз решила ничего ему не говорить; она потом сама исправит эту оплошность).

Лиз подошла к двери и выглянула в боковое окошко. На крыльце стоял шериф Пэнгборн. На этот раз он был один, но Лиз от этого легче не стало.

Она повернулась в сторону лестницы и крикнула, чтобы ее было слышно в ванной (по совместительству – пункте обслуживания малышей):

– Он вернулся! – В ее голосе явственно слышалась тревожная нотка.

После долгой паузы Тэд вышел из ванной в коридор. Он был босиком, в джинсах и белой футболке.

– Кто? – спросил он странным, бесцветным голосом.

– Пэнгборн, – сказала она. – Тэд, с тобой все в порядке?

Уэнди, сидевшая у него на руках и одетая только в подгузник, прикрывала ладошками его лицо... но то, что Лиз смогла увидеть, очень ей не понравилось.

– Со мной все нормально. Впусти его. А я все-таки засуну барышню в комбинезон.

Он исчез прежде, чем Лиз успела открыть рот.

Алан Пэнгборн тем временем терпеливо ждал на крыльце. Он видел, как Лиз выглядывала в окошко, и не стал звонить снова. Он стоял с таким видом, словно жалел, что не носит шляпу, которую можно было бы держать – а то и немного помять – в руках.

Медленно и без радушной улыбки Лиз сняла с двери цепочку ипустила шерифа в дом.

2

Уэнди совсем разыгралась и вертелась юлой, так что справиться с ней было непросто. Тэд кое-как ухитрился засунуть в комбинезон сначала ее ножки, потом ручки, и наконец у него получилось выудить кисти рук из манжет. Уэнди тут же потянулась к нему и схватила за нос. Он отшатнулся, а не рассмеялся, как делал обычно, и Уэнди удивленно уставилась на него. Тэд потянулся к замочку молнии, шедшей от левой ножки комбинезона до горла, но остановился и вытянул руки перед собой. Они дрожали. Совсем чуть-чуть, но дрожали.

Какого черта? Чего ты боишься? Или опять начинается приступ вины?

Нет, не вины. Тэд почти пожалел, что нет. На самом деле его кое-что напугало. Как будто ему было мало страхов на сегодняшний день.

Сначала пришли полицейские с их непонятными обвинениями и еще более непонятной уверенностью. Потом этот странный призрачный щебет. Тэд так и не понял, что это было, хотя звук показался ему знакомым.

После ужина это случилось опять.

Тэд поднялся к себе в кабинет, чтобы поработать над «Золотым псом», его новой книгой. Но когда склонился над стопкой листов с текстом и начал вносить в записи небольшие исправления, его голова вновь наполнилась тем самым звуком. Тысячи птиц, и все чирикают и щебечут, и на этот раз вместе со звуком пришел образ.

Воробьи.

Огромная стая, тысячи и тысячи воробьев, рассеявшихся на проводах и на крышах и дерущихся друг с другом за место, как это бывает ранней весной, когда последний мартовский снег еще лежит на земле грязными, зернистыми кучами.

Сейчас еще голова разболится, подумал он в страхе, и голос, озвучивший эту мысль, голос испуганного мальчишки, переключил смутное ощущение чего-то знакомого на настоящее воспоминание. Ужас встал комом в горле и как будто сдавил виски обжигающе ледяными руками.

Это опухоль? Она снова растет? А если она теперь недоброкачественная?

Фантомный звук – голоса птиц – внезапно сделался громче, стал почти оглушительным. К нему прибавился сумрачный шелест трепещущих крыльев. Теперь Тэд увидел, как воробьи срываются с места, все разом; тысячи птиц, затемняющих белое весеннее небо.

– Обратно на север, дружище, – услышал он собственный голос, низкий, гортанный. Совсем не его голос.

А потом звук и картинка внезапно пропали. Год был 1988-й, а не 1960-й, и Тэд сидел у себя в кабинете. Взрослый мужчина с женой и двумя детьми – и с пишущей машинкой «Ремингтон».

Он сделал глубокий вдох. Голова не болела.

Ни тогда, ни теперь. Он хорошо себя чувствовал. И только...

Только снова взглянув на стопку листов, он увидел, что кое-что там написал. Поперек линий аккуратного печатного текста, большими печатными буквами.

«ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ» – вот что он написал.

И не ручкой «Скрипто», а одним из бероловских карандашей «Черный красавец». Хотя Тэд не помнил, чтобы менял ручку на карандаш. Он вообще больше не пользовался этими карандашами. Карандаши принадлежали другой эпохе... мертвой... темной эпохе. Он быстро вернул карандаш в банку, открыл ящик стола и убрал ее туда. Руки при этом слегка дрожали.

Потом Лиз позвала его укладывать близнецов, и он пошел помогать. Он хотел рассказать ей о том, что случилось, но вдруг обнаружил, что пронзительный ужас – ужас, что детская опухоль снова растет и на этот раз может быть недоброкачественной, – запечатал ему рот. Наверное, он все равно рассказал бы... но потом позвонили в дверь, Лиз пошла открывать и произнесла совершенно неправильные слова совершенно неправильным тоном.

Он вернулся! – крикнула Лиз с вполне понятным раздражением и страхом, и ужас выступил все внутри, как порыв ледяного ветра. Ужас и одно слово: *Старк*. На один жуткий миг, пока реальность вновь не вступила в свои права, Тэд поверил, что она говорила о нем. О Джордже Старке. Воробьи снова летают, и Старк вернулся. Он был мертв, его похоронили во всеуслышание, его вообще никогда не существовало по-настоящему, но это было уже не важно. Настоящий или ненастоящий, он все равно вернулся.

Прекрати, сказал он себе. *Ты вообще-то не из боязливых, и даже если вокруг происходит что-то ненормальное, это еще не повод паниковать. Звук, который ты слышал – щебетание птиц, – это обычный психологический феномен под названием «инерция памяти». Обычно бывает при стрессе. Так что возьми себя в руки и не психуй.*

Но страх все равно не прошел до конца. Щебет птиц вызвал не только *déjà vu* – ощущение, что ты уже переживал это раньше, – но и *presque vu* тоже.

Presque vu: ощущение, будто ты переживаешь что-то такое, что еще не случилось, а случится в будущем. Не предчувствие, не предвидение, а смещенное, неуместное воспоминание.

Неуместное дерьмо, ты хочешь сказать.

Он держал руки перед собой и смотрел на них не отрываясь. Дрожь стала слабее, потом прекратилась совсем. Когда Тэд убедился, что не прижмет молнией розовую после купания кожу Уэнди, он застегнул на ней комбинезон, отнес ее в гостиную, усадил в манеж к брату и вышел в прихожую, к Лиз и Алану Пэнгборну. Несмотря на то что Пэнгборн пришел один, сегодняшнее утро вполне могло повториться опять.

Вполне подходящее время и место для очередного déjà vu, подумал он, но это было совсем не смешно. Его все еще не отпустило то, другое ощущение... и чириканье воробьев.

– Чем могу быть полезен, шериф? – спросил он без улыбки.

Ага! А вот и еще одно маленькое отличие. Пэнгборн держал в руке упаковку пива из шести бутылок. Теперь он приподнял ее и сказал:

– Я тут подумал, может, выпьем пивка и все обсудим.

3

Лиз и Пэнгборн пили пиво, а Тэд взял себе из холодильника пепси. За разговором они наблюдали, как близнецы играют друг с другом в манеже в их обычной, на удивление серьезной манере.

– Вообще-то мне не следует тут находиться, – признался Алан. – Сидеть и пить пиво с человеком, которого теперь подозревают уже не в одном, а в двух убийствах.

– В двух! – воскликнула Лиз.

– Я сейчас расскажу. На самом деле я все расскажу. Не вижу смысла скрывать. Я уверен, что у вашего мужа есть железное алиби и на это второе убийство. Полицейские штата тоже в этом уверены. И они в полной растерянности.

– Кто убит? – спросил Тэд.

– Молодой человек по имени Фредерик Клоусон, в Вашингтоне.

Пэнгборн заметил, как Лиз вздрогнула и даже пролила немного пива себе на руку.

– Вижу, вам это имя знакомо, миссис Бомонт, – добавил он, не скрывая иронии.

– Что происходит? – прошептала она.

– Я совершенно не представляю себе, что происходит. У меня ум за разум заходит, когда я пытаюсь во всем разобраться. Я пришел не для того, чтобы вас арестовывать, мистер Бомонт, и не для того, чтобы вас обвинять, хотя будь я проклят, если понимаю, как кто-то еще, кроме вас, мог совершить эти два преступления. Я пришел, чтобы просить вас о помощи.

– Называйте меня просто Тэд.

Алан неловко заерзал в кресле.

– Думаю, «мистер Бомонт» мне пока будет удобнее.

Тэд кивнул:

– Как вам угодно. Стало быть, Клоусон мертв. – Он задумчиво опустил взгляд, потом вновь посмотрел на Алана. – И мои отпечатки пальцев опять были повсюду на месте убийства?

– Да... и не только отпечатки. В журнале «Пипл» недавно опубликовали статью о вас, верно, мистер Бомонт?

– Две недели назад, – подтвердил Тэд.

– Статью нашли в квартире Клоусона. Одна из страниц, по всей видимости, была использована как символ в убийстве, очень похожем на ритуальное.

– Господи, – проговорила Лиз голосом одновременно испуганным и усталым.

– Вы не хотите мне рассказать, кем он вам приходился? – спросил Алан.

Тэд кивнул.

– Не вижу причин, чтобы не рассказать. Вы сами читали статью, шериф?

– Жена приносит журнал домой из супермаркета, но я, честно сказать, только просматриваю картинки. Но теперь я, конечно, прочту статью, как только будет возможность.

– Вы не много потеряли... но эта статья появилась как раз из-за Фредерика Клоусона. Видите ли...

Алан поднял руку.

– До него мы еще дойдем. Для начала давайте вернемся к Гомеру Гамишу. Мы перепроверили данные по БДВС. Отпечатки пальцев в пикапе Гомера – и в квартире Клоусона, хотя таких четких, как на засохшей жвачке и на зеркале заднего вида, там не было, – полностью совпадают с вашими отпечатками. Это значит, что если вы этого не совершали, мы имеем двух разных людей с *одинаковыми* отпечатками пальцев. Есть все шансы попасть в «Книгу рекордов Гиннесса».

Он посмотрел на Уильяма и Уэнди, пытавшихся играть в «ладушки» у себя в манеже. Игра получалась опасной для зрения, но малышам все равно было весело.

– Они идентичные близнецы? – спросил Алан.

– Нет, – ответила Лиз. – Они *очень* похожи, но это брат и сестра, а брат и сестра никогда не бывают идентичными близнецами, таких в народе еще называют двойняшками.

Алан кивнул.

– Но даже у близнецов отпечатки пальцев не совпадают. – Он мгновение помедлил, а потом добавил небрежным тоном, показавшимся Тэду насквозь фальшивым: – А у *вас*, мистер Бомонт, случайно, нет брата-близнеца?

Тэд медленно покачал головой.

– Нет, – ответил он. – У меня нет никаких братьев или сестер. Я был единственным ребенком. Родителей уже нет в живых. Уильям и Уэнди – мои единственные кровные родственники. – Он улыбнулся малышам и повернулся обратно к Пэнгборну. – У Лиз был выкидыш в тысяча девятьсот семьдесят четвертом. Они... эти первые дети... тоже, как я понимаю, были двойняшками, хотя тогда вряд ли было понятно... выкидыш произошел на втором месяце, на таком сроке это определить невозможно. Но даже если бы было возможно, кому и зачем захотелось бы это знать?

Алан пожал плечами, немного смущенный.

– Она была в торговом центре. В Бостоне. Кто-то ее толкнул. Она ехала на эскалаторе, упала вниз и очень сильно порезала руку... хорошо, полицейский из службы охраны быстро наложил жгут, иначе все могло бы закончиться очень плачевно... и она потеряла детей.

– Об этом написано в той статье в «Пипл»? – спросил Алан.

Лиз невесело улыбнулась и покачала головой.

– Мы дали согласие на публикацию лишь при условии, что будем рассказывать только то, что хотим рассказать, шериф Пэнгборн. Это наша жизнь, и мы сами ее редактируем. Майку Дональдсону – человеку, который брал интервью, – мы этого, разумеется, не сказали. Именно так мы и сделали.

– Вас толкнули нарочно?

– Этого никто не знает. – Лиз задумчиво посмотрела на Уильяма с Уэнди. – Но для нечаянного толчка это было как-то уж слишком сильно. Я пролетела пол-эскалатора и грохнулась на ступеньки уже в самом низу. И все-таки я попыталась себя убедить, что это был просто несчастный случай. Так было легче. Сама мысль о том, что кто-то может толкнуть женщину на крутом эскалаторе для того, чтобы посмотреть, что получится... от такой мысли бессонница гарантирована.

Алан кивнул.

– Врачи, к которым мы обращались, говорили, что Лиз, возможно, уже не сможет иметь детей, – сказал Тэд. – Когда она забеременела Уильямом и Уэнди, врачи говорили, что она, вероятно, не сможет их выносить. Но она смогла. И после десятилетнего перерыва я наконец сел за работу над новой книгой под своим собственным именем. Это будет мой третий роман. Так что теперь у нас все хорошо.

– А еще вы писали под именем Джордж Старк.

Тэд кивнул.

– Но теперь с этим покончено. Я начал задумываться над тем, чтоб закончить с этим делом, когда Лиз была на восьмом месяце, в целости и сохранности. Я решил: если собираюсь стать отцом, то пора начинать становиться самим собой.

4

На этом месте в разговоре случился маленький сбой – не совсем пауза, просто секундная заминка. Потом Тэд сказал:

– Сознавайтесь, шериф Пэнгборн.

Алан удивленно приподнял брови.

– Прошу прощения?

Тэд улыбнулся одними уголками губ.

– Не стану утверждать, что у вас был составлен полностью проработанный сценарий, но какая-то версия... в общих чертах... была наверняка. Если бы вдруг оказалось, что у меня есть брат-близнец, можно было бы предположить, что на той вечеринке гостей встречал *он*. А я бы спокойно поехал в Касл-Рок, убил бы Гомера Гамиша и налепил бы своих отпечатков пальцев по всему его автомобилю. Но и это еще не все. Пока мой брат-близнец спит с моей женой и делает за меня все дела, я так же спокойно еду в машине Гомера до той зоны отдыха в Коннектикуте, там угоняю другую машину, еду в Нью-Йорк, бросаю и эту машину, сажусь на поезд или в самолет до Вашингтона. По прибытии в Вашингтон я по-быстрому грохаю Клоусона, мчусь обратно в Ладлоу, отсылаю братца домой, и мы все живем дальше, каждый своей жизнью. Все трое, если предположить, что Лиз в этом тоже принимала участие.

Лиз изумленно уставилась на него, а потом рассмеялась. Смеялась она недолго, но от души. В ее смехе не было ничего деланного и натужного, но все равно это был невеселый смех – смех человека, который расхохотался от удивления, а не от радости.

Алан тоже смотрел на Тэда с неподдельным изумлением. Близнецы на мгновение перестали катать большой желтый мяч, рассмеялись над мамой – или, может быть, вместе с ней – и снова вернулись к своему занятию.

– Тэд, это *ужасно*, – произнесла Лиз, отсмеявшись.

– Может быть, – согласился он. – Прошу прощения, если так.

– Лихо закручено, – сказал Алан. – Со знанием дела.

Тэд улыбнулся ему.

– Как я понимаю, вы не фанат покойного Джорджа Старка?

– Честно признаюсь, нет. Но у нас есть констебль, Норрис Риджуик. Вот он – да. Он мог бы мне объяснить, чем все так восторгаются.

– В общем, Старк знал, на чем строится детективный роман. У него, правда, не доходило до такой откровенной Агаты Кристи, как я сейчас изложил, но это не значит, что я не могу мыслить в том же ключе, если настроюсь. Признайтесь, шериф... вы что-то подобное предполагали или нет? Если нет, тогда я действительно должен извиниться перед женой.

Алан надолго задумался, улыбаясь своим мыслям. Наконец он сказал:

– Может быть, *что-то* и предполагал. Не то чтобы всерьез и не совсем так, но вам не надо извиняться перед супругой. После сегодняшнего утра я готов рассмотреть все возможности, даже самые невероятные.

– С учетом сложившейся ситуации.

– С учетом сложившейся ситуации, да.

Тэд опять улыбнулся.

– Я родился в Бергенфилде, штат Нью-Джерси, шериф. Если не верите мне на слово, можете проверить регистрационные книги, нет ли у меня брата-близнеца, о котором я напрочь забыл.

Алан покачал головой и отпил еще пива.

– Это была идиотская мысль, и я себя чувствую идиотом. Впрочем, к этому я уже поне-много привыкаю. Я себя чувствую идиотом еще с утра, когда вы сказали про ваших гостей. Кстати, мы их опросили. Они все подтвердили.

– Конечно, они подтвердили. – Голос Лиз прозвучал немного резко.

– И поскольку у вас все равно нет брата-близнеца, эту тему можно закрыть.

– На секунду допустим, – сказал Тэд, – пусть это и полный бред, что все *действительно* было, как я расписал. Складная получилась бы выдумка... если бы не одно «но».

– Какое именно? – спросил Алан.

– Отпечатки пальцев. Как-то странно выходит: я тут устроил целое представление, под-рядил человека, который выглядит точно как я, чтобы он обеспечил мне алиби *здесь*... а потом сам же все и испоганил, оставив свои отпечатки пальцев повсюду на месте убийства. С чего бы мне так проколоться?

– Готова поспорить, что вы *и вправду* проверите регистрационные книги. Да, шериф? – спросила Лиз.

– Главное правило следственной процедуры гласит, – флегматично проговорил Алан, – бей, пока не добьешься до конца. Но я уже знаю, что найду в этих книгах, если возьмусь про-верять. – Он помолчал и добавил: – И дело не только в той вечеринке. Вы производите впе-чатление человека, который говорит правду, мистер Бомонт. У меня большой опыт, я вижу разницу. Как человек, много лет прослуживший в полиции, могу со всей ответственностью заявить, что на свете очень мало хороших лжецов. Может, они появляются время от времени в тех детективных романах, о которых вы говорили, но в реальной жизни такие люди встреча-ются крайне редко.

– Так зачем оставлять отпечатки пальцев? – продолжал Тэд. – Вот что меня интересует. Судя по вашим рассказам, там явно работал не дилетант. А вам не приходило в голову, что само *качество* отпечатков уже наводит на подозрения? Вы говорили о белых пятнах в дактилоско-пии. Я кое-что знаю об отпечатках пальцев. Узнал, когда собирал материалы для книг Старка. Хотя, честно скажу, в этом смысле я очень ленивый – гораздо проще сидеть за машинкой и выдумывать всякие небылицы. Но разве не полагается, чтобы имелось определенное количе-ство совпадений в сравнении отпечатков, прежде чем отпечатки можно будет рассматривать как улики?

– В Мэне таких совпадений должно быть шесть, – сказал Алан. – Чтобы отпечатки при-знали уликой, надо представить шесть совпадений.

– А разве не верно, что в большинстве случаев у полиции есть только пол-отпечатка, или четверть отпечатка, или вообще смазанное пятно с парой дуг и петелек?

– Все верно. В реальной жизни преступников не сажают, исходя только из улик по отпе-чаткам пальцев.

– Тем не менее отпечаток на зеркале заднего вида был, как вы говорили, таким же четким, как отпечатки, снимаемые в полицейском участке. А отпечаток на жевательной резинке был

точно как слепок. Тут поневоле задумаешься... Как будто их там специально оставили, чтобы вы их нашли.

– Мы тоже об этом подумали. Вернее, не просто подумали, а сломали себе всю голову. В этом деле была одна очень большая странность. Убийство Клоусона обставлено в классическом стиле гангстеров, расправляющихся с трепачом: язык вырезан, пенис жертвы во рту, море крови, море боли, однако в доме никто не услышал ни звука. Но если тут поработал профессионал, то как получилось, что по всей квартире остались отпечатки пальцев мистера Бомонта? Может ли что-то, что выглядит как откровенная подстава, *не быть* подставой? Нет, если, конечно, кто-то не придумал уж совсем новую хитрость. А пока что, по мнению Алана Пэнгборна, старое правило еще остается в силе: если кто-то ходит, как утка, крикает, как утка, и плавает, как утка, то это скорее всего и есть утка.

– Можно ли как-то сфабриковать отпечатки пальцев? – спросил Тэд.

– Вы не только пишете книги, но и читаете мысли, мистер Бомонт?

– Пишу книги, читаю мысли, согласен на любую авантюру, кроме голодовки.

Алан как раз отхлебнул пива – и от смеха чуть было не выплюнул его на ковер, но сумел проглотить то, что было во рту, хотя несколько пенных струек все-таки вырвались и потекли у него по шее. Он закашлялся. Лиз поднялась, подошла к нему и пару раз сильно ударила по спине. Наверное, это странно выглядело со стороны, но Лиз не видела ничего странного; жизнь с двумя малышами подготовила ее ко всему. Уильям и Уэнди забыли про мячик и устали на происходящее. Уильям рассмеялся. Уэнди тут же последовала его примеру.

Из-за этого Алану почему-то стало еще смешнее.

Тэд тоже расхохотался. Рассмеялась и Лиз, все еще колотя Алана по спине.

– Со мной все в порядке, – выдавил Алан, кашляя и смеясь. – Правда.

Лиз стукнула его в последний раз. Из горлышка бутылки, которую Алан держал в руках, вырвался гейзер пены. Пена обрушилась прямо ему на ширинку.

– Ничего, – сказал Тэд. – Подгузников у нас много.

Они снова расхохотались, и в какой-то момент между тем, как Алан Пэнгборн начал кашлять, и тем, как он наконец отсмеялся, все трое стали друзьями, пусть только на время.

5

– Насколько я знаю, сфабриковать отпечатки пальцев нельзя, – возобновил разговор шериф. К тому времени он уже приступил ко второй бутылке, а конфузное пятно на штанах начало подсыхать. Близнецы заснули прямо в манеже, Лиз ушла в ванную. – Конечно, мы все еще проверяем, потому что до сегодняшнего утра у нас не было причин заподозрить, что в данном случае может быть что-то подобное. Я знаю, однажды такое *пытались* сделать; похититель снял отпечатки пальцев у своего пленника перед тем, как его прикончить... вырезал по ним штампы и отпечатал на тонкой пластиковой пленке. Потом прилепил эту пленку себе на пальцы и пытался оставить эти отпечатки по всему дачному домику жертвы, чтобы полиция подумала, что похищение было мистификацией и что парень жив и здоров.

– Но у него ничего не вышло?

– У полиции были прекрасные отпечатки, – сказал Алан. – Отпечатки преступника. Из-за кожного жира пленка на пальцах разгладилась вместе с фальшивыми отпечатками, а поскольку пленка была очень тонкой и восприимчивой даже к микроскопическому рельефу, то отпечатки преступник оставил свои.

– Возможно, другой материал...

– Все может быть. Тот случай произошел в середине пятидесятых, и с тех пор, надо думать, были изобретены сотни видов новых полимерных пластмасс. Однако на данный

момент мы знаем, что криминалистике не известно ни единого случая успешной подделки отпечатков пальцев. И думаю, в ближайшее время ничего не изменится.

Лиз вернулась в гостиную, села в кресло, подобрав под себя ноги, как кошка, и прикрыла лодыжки подолом юбки. Тэд невольно залюбовался женой. Движение, исполненное невероятной грации, казалось каким-то неподвластным времени.

– Но в этом деле есть и другие факторы, Тэд.

Супруги быстро переглянулись, когда Алан обратился к Тэду по имени. Шериф этого не заметил. Он достал из кармана потертый блокнот и смотрел на одну из страниц.

– Вы курите? – спросил он, поднимая взгляд.

– Нет.

– Он бросил семь лет назад, – уточнила Лиз. – Было трудно, но он справился.

– Кто-то из критиков написал, что мир станет лучше, если я тихо сдохну, вот я и решил жить подольше, – добавил Тэд. – А почему вы спросили?

– Стало быть, вы курили.

– Да.

– «Пэлл-Мэлл»?

Тэд собирался отхлебнуть пепси, но его рука застыла, не донеся банку до рта.

– Откуда вы знаете?

– У вас вторая группа крови, отрицательный резус?

– Кажется, я начинаю понимать, почему вы пришли арестовывать меня сегодня утром, – сказал Тэд. – Если бы у меня не было алиби, я бы сейчас сидел в камере предварительного заключения, да?

– Надо думать.

– Вы могли узнать его группу крови из армейского личного дела, – сказала Лиз. – Как я понимаю, оттуда же поступили и образцы отпечатков пальцев.

– Но не информация о том, что я курил «Пэлл-Мэлл» пятнадцать лет, – заметил Тэд. – Насколько я знаю, подобные сведения в личные дела не заносят.

– Подобные сведения стали известны только сегодня утром, – сказал Алан. – Пепельница в пикапе Гомера была переполнена окурками «Пэлл-Мэлл». Старик курил только трубку, и то от случая к случаю. В пепельнице в квартире Фредерика Клоусона тоже были окурки «Пэлл-Мэлл». По словам домовладелицы, Клоусон вообще не курил, разве что иногда баловался травой. Группу крови мы определили по слюне на окурках. В отчете серолога было достаточно информации. И поинтереснее, чем отпечатки пальцев.

Тэд больше не улыбался.

– Ничего не понимаю. То есть вообще ничего.

– Но есть одна неувязка, – продолжал Пэнгборн. – Светлые волосы. С полдюжины волосков мы обнаружили в пикапе Гомера и еще один волос – на спинке стула, на котором убийца сидел в гостиной Клоусона. У вас темные волосы. И почему-то мне кажется, что парик вы не носите.

– Нет... Тэд не носит. Но убийца мог и носить, – холодно проговорила Лиз.

– Может быть, – согласился Алан. – Если так, то парик натуральный. Из человеческих волос. Но чего ради менять цвет волос, если ты собираешься оставлять повсюду окурки и отпечатки пальцев? Либо он законченный идиот, либо очень старается вас подставить. И светлые волосы как-то не лепятся ни туда, ни сюда.

– Может, он не хотел, чтобы его узнавали, – предположила Лиз. – Вы не забываете, о Тэде писали в журнале «Пипл» всего две недели назад. А «Пипл» читают по всей стране.

– Да, не исключена и такая возможность. Хотя, если тот парень и внешне похож на вашего мужа, миссис Бомонт...

– Лиз.

– Хорошо, Лиз. Если он и внешне походит на вашего мужа, значит, он выглядит как Тэд Бомонт, только со светлыми волосами, верно?

Лиз внимательно посмотрела на Тэда и вдруг захихикала.

– Что смешного? – спросил Тэд.

– Пытаюсь представить тебя блондином, – сказала Лиз, продолжая хихикать. – Думаю, ты был бы похож на изрядно подпорченного Дэвида Боуи.

– По-вашему, это смешно? – спросил Тэд Алана. – *По-моему*, совсем не смешно.

– Ну... – протянул Алан, улыбаясь.

– Ладно, не важно. Насколько мы знаем, тот парень мог быть не только в блондинистом парике, но и в темных очках, и даже с антеннами на голове.

– Нет, если убийца – тот самый парень, которого миссис Арсено видела из окна, когда он садился в пикап Гомера примерно без четверти час, в ночь на первое июня, – сказал Алан.

Тэд подался вперед.

– Он был похож на *меня*?

– Она не особенно его разглядела. Видела только, что он был в костюме. На всякий случай сегодня я попросил одного из своих людей, Норриса Риджуика, показать ей вашу фотографию. Она сказала, ей *кажется*, это были не вы, хотя она и не может утверждать с полной уверенностью. Она сказала, ей кажется, что человек, севший в машину Гомера, был крупнее. – Он помолчал и сухо добавил: – Эта дама – весьма осмотрительная особа. Та еще перестраховщица.

– Она различила комплекцию по фотографии? – с сомнением спросила Лиз.

– Она не раз видела Тэда в городе, летом, – ответил Алан. – И она *сказала*, что не может утверждать наверняка.

Лиз кивнула:

– Конечно, она его знает. И меня тоже, кстати. Мы постоянно у них покупаем свежие овощи. Тупая корова. Прошу прощения.

– Вам не за что извиняться. – Алан допил пиво и проверил пятно на ширинке. Высохло. Хорошо. Остался слабый потек, который, возможно, никто даже и не заметит. Кроме его жены. – Как бы там ни было, тут мы подходим к последнему пункту... или параграфу... или как вы это назовете. Я сомневаюсь, что здесь есть какая-то связь, но проверить не помешает. Какой у вас размер обуви, мистер Бомонт?

Тэд посмотрел на Лиз, и та пожала плечами.

– У меня маловатые лапы для роста шесть футов и дюйм. Обычно я ношу десятый размер, хотя, бывает, и на полразмера больше...

– Следы, о которых нам сообщили, кажется, были намного больше, – сказал Алан. – Впрочем, я думаю, они здесь ни при чем, но даже если бы были при чем, уж следы-то подделать несложно. Напихал газет в туфли на два-три размера больше твоего – и готово.

– Что за следы? – спросил Тэд.

– Думаю, это не слишком важно. – Алан покачал головой. – У нас даже нет фотографий. Думаю, у нас есть почти все, что относится к этому делу, Тэд. Ваши отпечатки пальцев, ваша группа крови, ваша марка сигарет...

– Он не... – начала было Лиз.

Алан умиротворяюще поднял руку.

– *Прежняя* марка сигарет. Я, наверное, рехнулся, что посвящаю вас в эти детали... и где-то в глубине души я понимаю, что да, рехнулся... но раз уж мы зашли так далеко, нет смысла разглядывать пару деревьев, когда можно увидеть весь лес. В Касл-Роке у вас есть собственность, как и в Ладлоу. Налоги вы платите и там, и там. Гомер Гамиш был не просто знакомым; он выполнял... разовые работы, можно так сказать?

– Да, – ответила Лиз. – Он был зрителем на полной ставке, но вышел на пенсию в том же году, когда мы купили дом. Теперь за ним смотрят по очереди Дейв Филлипс и Чарли Фортин. Но Гомер все равно заходил, что-то делал. Говорил, чтобы не терять навыков.

– Если предположить, что Гомера убил тот человек, которого видела миссис Арсено – а мы сейчас прорабатываем эту версию, – то возникает вопрос. Он убил Гомера лишь потому, что тот был первым встречным, сдуру – или спьяну – посадившим его в машину, или же он убил его потому, что это был Гомер Гамиш, знакомый Тэда Бомонта?

– Но откуда он знал, что Гомер будет там проезжать? – спросила Лиз.

– Потому что в тот вечер Гомер играл в боулинг, а Гомер – человек... был человеком привычки. Как тот старый конь, который всегда возвращается на конюшню одной и той же дорогой.

– И первым делом вы предположили, что Гомер остановился не потому, что был пьян, а потому, что узнал человека, голосовавшего на дороге, – сказал Тэд. – Незнакомец, желавший убить Гомера, не стал бы использовать этот прием с ловлей попутки. Он бы понял, что это не самый надежный, а то и вообщедохлый номер.

– Да.

– Тэд, – произнесла Лиз не совсем твердым голосом. – В полиции подумали, что Гомер остановился, потому что увидел тебя... да?

– Да. – Тэд потянулся к жене и взял ее за руку. – Они подумали, что только кто-то вроде меня – кто-то, кто его знал, – попытается предпринять что-то подобное. Даже костюм здесь подходит. Что наденет элегантный писатель, замышляя убийство за городом в час ночи? Конечно, хороший твидовый костюм... и непременно с коричневыми замшевыми заплатками на локтях пиджака. Все британские детективы ясно дают нам понять, что без этого не обойтись. – Он посмотрел на Алана: – Все это чертовски странно, да? Вся эта история.

Алан кивнул:

– Странно – еще мягко сказано. Миссис Арсено показалось, что тот человек начал переходить дорогу, или по крайней мере уже собирался переходить, когда показался Гомер на своем пикапе. Но тот факт, что вы знаете и Клоусона из Вашингтона, наводит на мысль, что Гомера убили, потому что он – это он, а вовсе не потому, что старик был достаточно пьян, чтобы подбирать посреди ночи попутчиков. Так что давайте поговорим о Фредерике Клоусоне, Тэд. Расскажите о нем.

Тэд и Лиз переглянулись.

– Думаю, – сказал Тэд, – моя жена справится с этим быстрее и лаконичнее. И будет меньше ругаться.

– Ты уверен, что хочешь, чтобы я рассказала? – спросила Лиз.

Тэд кивнул. Лиз начала говорить, поначалу медленно, но постепенно набирая скорость. Тэд перебил ее пару раз в самом начале, а потом просто сидел и слушал. В следующие полчаса он не произнес ни слова. Алан Пэнгборн достал блокнот и принялся делать пометки, но после нескольких первых вопросов он тоже не прерывал ход рассказа.

Глава 9

Вторжение Выползня

1

– Я называю его Выползнем, – начала Лиз. – Мне жаль, что он умер... но он все равно был Выползнем. Уж не знаю, откуда они выползают в фильме, сами рождаются или их сотворили для какого-то эксперимента, но, наверное, это не важно. В жизни эти твари поднимаются из своего слизистого гнезда и ползут вверх по социальной лестнице. А Фредерик Клоусон был Выползнем из Вашингтона. Он там учился на адвоката, в самой большой из всех юридических змеиных ям. Тэд, малыши заворочались... дашь им бутылочки? А мне еще пива, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.